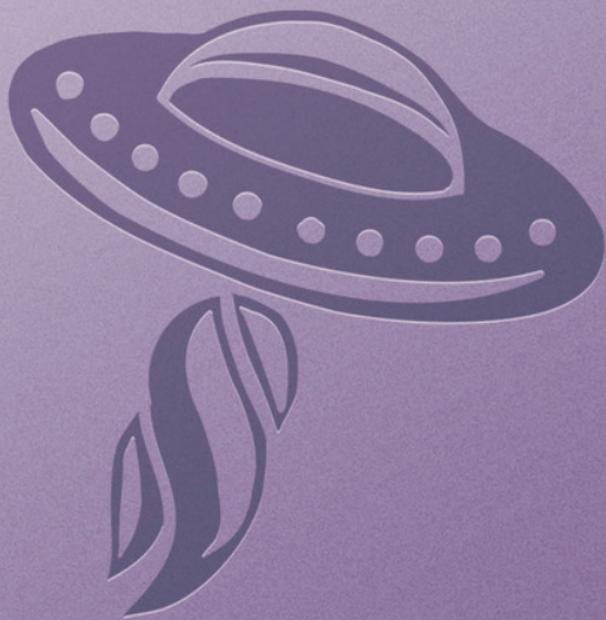

Кейт Лаумер

Жил-был великан

Кит Лаумер
Жил-был великан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124402

Кит Ломер

Жил-был великан

На расстоянии в полмиллиона миль Вэнгард был похож на шар из серого чугуна, полуосвещенный, желтовато-белый на освещенной половине, угольно-черный на противоположной. Вдоль терминатора тянулась ржаво-красная полоса. Горные хребты, как непричесанные космы черных волос, свисали с белых мглистых полюсов, веером расходясь все дальше и дальше в стороны, в то время как между ними вырастали новые мелкие хребты, образуя неровную сетку, покрывающую почти всю поверхность планеты, напоминающей из-за этого тыльную сторону кисти пожилого человека.

Я следил за тем, как изображение на экране становилось все более и более подробным, до тех пор, пока не появилась возможность сравнить его с тем, что было у меня на навигационной карте.

Только после этого я сорвал пломбу со своего Y-излучателя и послал в эфир свой «Мэйдей» – сигнал бедствия.

– Дядюшка-король 629! Всем, всем, всем! Я в опасности! По аварийной траектории приближаюсь к R-7985-23-Д, но шансов очень мало. Координаты: 093

плюс 15 при 19-0-8 стандартного! Жду указаний и, если можно, побыстрее! Все станции, прием!

Я включил автоматический маяк, который тут же принялся выплевывать в пространство мой призыв по тысяче раз в миллисекунду, а сам тем временем переключился на прием и выждал 45 секунд. Это как раз столько, сколько нужно гиперсигналу, чтобы достигнуть излучательной станции возле Кольца-8 и привести его в действие.

Все произошло точно так, как по расписанию. Прошло еще с полминуты, и моей спины как будто коснулся чей-то холодный палец. Затем голос, который, казалось, был недоволен тем, что его разбудили, произнес:

– Дядюшка-король 629, с вами говорит Мониторная Станция Зет-448, качество приема три на три. Вам запрещается, повторяю – запрещается! – посадка на планету. Доложите подробно о том, что произошло...

– Перестаньте городить чепуху! – довольно-таки резко отозвался я. – Я скоро поцелуюсь с этим булыжником, и от вас зависит только, насколько крепок будет этот поцелуй! Сначала посадите меня, а уж бумажными делами мы займемся потом!

– Вы находитесь в территориальной зоне карантинного мира пятого класса. Существует официальный навигационный запрет приближаться...

– Довольно умничать, 448! – отрезал я. – 700 часов назад я вылетел с Доби со спецгрузом на борту! Может, вы думаете, я нарочно выбрал эту дыру для посадки? Мне нужны технические указания по посадке, и нужны немедленно!

Теперь снова небольшое ожидание. Мой собеседник, казалось, говорит уже сквозь зубы:

– Дядюшка-король, передайте данные бортовых систем.

– Непременно, непременно. Но только шевелитесь там побыстрее, – я постарался придать голосу выражение взволнованности и нажал несколько кнопок, в результате чего он получил в свое распоряжение данные приборов, которые будут неопровержимо свидетельствовать, что положение мое еще хуже, чем я его себе представляю. И в этих данных подделки не было ни на грош. Я постарался на совесть, чтобы эта посуда поднялась в космос в последний раз.

– Все в порядке, Дядюшка-король. Вы слишком поздно послали сигнал бедствия. Теперь вам придется катапультировать груз и действовать в следующей навигационной последовательности...

– Я же, кажется, ясно сказал: у меня на борту специальный груз! – заорал я в ответ. – Категория 10! По контракту с медицинской службой Доби! Я везу 10 анабиозных камер!

– Послушайте, Дядюшка-король, – отозвалась станция. Теперь голос стал вроде бы менее уверенным. – Я так понимаю, что у вас на борту 10 живых людей, видимо, пострадавших, и они находятся в анабиозе. Подождите, – снова пауза. – Да, нелегкую задачу вы мне подкинули, 629, – добавил голос, став окончательно похож на человеческий.

– Да, – ответил я. – Но все же нужно поспешать. Булыжник-то все ближе и ближе.

Я сел и принялся слушать, как перешептываются звезды. А в полутора световых годах от меня привели в действие станционный компьютер, который тут же принялся пережевывать посланные мною данные и вот-вот выплюнет ответ. А между тем сообразительный парнишка-дежурный заодно и проверит мою версию. Это хорошо. Мне того только и надо. Моя легенда непробиваема. Пассажиры, лежащие в грузовом отсеке, были вахтерами, получившими тяжелейшие ожоги при взрыве на Доби три месяца назад. Доби был суровым небольшим мирком, на котором не было почти никаких возможностей для лечения.

Если я доставлю их в сносном состоянии в медицинский центр на Республике, то получу 40 тысяч. Предстартовые инспекционные данные, равно как и маршрут полета были представлены на рассмотрение станции, а из них следовало, что самой экономич-

ной траекторией была та, что проходила мимо Вэнгарда, и любой мало-мальски смыслящий оператор проложил бы ее именно так. Все это следовало из моих данных. Я был абсолютно чист – просто жертва стечения обстоятельств. Теперь их очередь ходить. И если мои расчеты хоть чего-то стоили, то сходить они могли только так, как нужно было мне.

– Дядюшка-король, ваше положение более чем серьезно, – наконец возвестил мой невидимый консультант. – Но я могу предложить вам приемлемый вариант спасения. Можно ли отделить ваш грузовой отсек? – он сделал паузу, словно ожидая ответа, затем продолжал: – Вам нужно снизиться, затем ввести грузовой отсек в атмосферу на крыльях. После этого у вас останется всего несколько секунд для того, чтобы оторваться и уйти. – Понятно? А сейчас я передам вам необходимые данные.

И в память моего корабля полился поток чисел, которые тут же автоматически записывались и вводились в систему управления.

– 448, вас понял, – ответил я, когда поток информации иссяк. – Но посудите сами – ведь внизу совершенно дикая местность. А если холодильное устройство при падении будет повреждено? Может, мне все-таки лучше остаться и попробовать сесть вместе с грузом? – Это невозможно, Дядюшка-король! – голос потеп-

лел на несколько градусов. Ведь как-никак я все же был отважным, хотя и мелким торговцем, твердо решившим исполнить свой долг до конца, даже если это может для него плохо кончиться. – Честно говоря, даже то, что вам предложено, – крайность. И ваш единственный шанс – и вашего груза тоже, кстати, – неукоснительно соблюдать мои инструкции! – добавлять, что неподчинение навигационным распоряжениям мониторинговой станции является настоящим криминалом, он уж не стал. Да ему это было и ни к чему. Я знал это и рассчитывал на это.

– Что ж, полагаюсь на вас. На грузовом контейнере имеется навигационное устройство, – я позволил себе небольшую паузу, без которой бедному, но честному космическому торговцу с его умственной медлительностью было просто невозможно придти к простейшему умозаключению, затем выпалил: – Но послушайте! Сколько времени понадобится вашим парням, чтобы добраться сюда на вспомогательном судне?

– Оно уже отправлено. Полет займет... что-то около трехсот часов.

– Но ведь это больше двенадцати стандартных дней! А если морозильная установка разобьется, изоляция не удержит концентрацию кислорода на нужном уровне! А... – еще одна пауза, необходимая для того, чтобы сформулировать следующее самоочевид-

ное соображение: – А что же будет со мной? Как же я сам продержусь там, внизу?

– Давайте сначала окажемся там, внизу, капитан.

Из голоса улетучилась часть симпатии ко мне, правда, небольшая. Даже герою позволительно проявить небольшую заботу о себе, после того, как он позаботится о благополучном отходе своих войск.

Разговор продолжался еще некоторое время, но, в принципе, все главное было уже сказано. Я следовал указаниям, делал то, что мне было сказано, не более и не менее. Примерно через час все, кто смотрел трехмерные программы в Секторе, будут знать, что беспомощный госпитальный корабль находится на поверхности Вэнгарда и жизнь десяти – или одиннадцати, если считать меня – человек висит на волоске. После этого окончательно проникну сквозь оборонительные линии своего подопечного, готовый приступить к фазе номер два.

На высоте десяти тысяч миль появился звук: печальный вой одиноких молекул воздуха, расщепляемый тысячетонной тушей воздуха престарелого бродяги-торговца, входящего в атмосферу на слишком большой скорости, под неправильным углом и без тормозных двигателей. Я принялся наигрывать мелодию на том, что осталось от рулей высоты, разворачивая корабль хвостом вперед, приберегая остатки топ-

лива до того момента, когда оно больше всего пригодится. И когда я и мой корабль достигли точки, которая мне была нужна, мне оставалось осилить всего-навсего восемь тысяч миль гравитации. Я еще раз сверился с пультом управления, прикидывая будущий район посадки, а тем временем корабль двигался и бился подо мной, издавая стоны и рычание, как дикий зверь, которого ранили в брюхо.

На высоте двести миль включились главные двигатели, и вся кабина осветилась мерцающим красным светом, появившимся у меня в глазах.

Я почувствовал себя жабой, угодившей под сапог. Это продолжалось достаточно долго, так что я успел отключиться и вновь придти в себя раз шесть, не меньше. Затем внезапно корабль перешел в свободное падение, и у меня в запасе оставались уже считанные минуты, вернее, даже секунды.

Положить руку на рычаг катапультирования грузового отсека оказалось ничуть не труднее, чем, скажем, поднять наковальню по веревочной лестнице. Я почувствовал толчок, возвестивший, что грузовой отсек отделился от корабля. После этого я занял соответствующее положение, опустил противоударное устройство и набрал полную грудь затхлого корабельного воздуха. Палец мой коснулся кнопки катапультирования пилота. Тотчас же прямо по голове меня уда-

рил десятитонный пыльный мешок, и я провалился в мир иной.

Я медленно всплыл на поверхность бескрайнего черного океана, где дурные сны начали медленно отступать, и им на смену пришли чуть окрашенные светом размытые картины полубессознательности, так что я успел заметить похожие на акульи зубы горы, окружающие меня со всех сторон.

Вершины их были укутаны вечными снегами, и бесконечные ряды гор исчезали за далеким горизонтом.

Потом я, должно быть, снова отключился, потому что в следующий момент я увидел перед собой только один пик, несущийся мне навстречу, как взбесившаяся волна. Когда я очнулся в третий раз, я уже стремительно спускался на парашюте, несясь к чему-то, что было похоже на широкое поле застывшей лавы. Потом я разобрал, что это листва, темно-зеленая, густая, стремительно надвигающаяся. Времени у меня на этот раз хватило только на то, чтобы заметить, как засветился зеленым светом сигнал пеленгатора грузового отсека, возвещая, что груз приземлился целым и невредимым. И тут в глазах у меня снова померкло.

Когда я очнулся, мне было холодно. Это было первое мое сознательное ощущение. Вторым была головная боль. А вообще-то болело все тело. Некото-

рое время я составлял в уме завещание, по которому единственным моим наследником становилось общество эвтаназии, потом выпутался из креплений, раскрыл капсулу и выполз в то, что любитель прогулок назвал бы живительным горным воздухом. Я сверил все мои боли и неприятные ощущения и понял, что кости и суставы целы.

Тогда я включил термостат своего скафандра на обогрев и почувствовал, что тепло мало-помалу просачивается в тело.

Я стоял на сосновых иглах, если только бывают сосновые иглы трех футов в длину и толщиной с палочку для помешивания коктейлей. Иглы образовывали упругий ковер, покрывающий сплошь землю у подножия деревьев, высоченных, как ионические колонны, и уходящие вершинами в темно-зеленые сумерки крон. В отдалении между стволами я заметил белые отсветы островков снега. Было тихо, совершенно тихо, и ни малейшего движения среди веток над моей головой.

Приборы скафандра сообщили мне, что давление воздуха 16 фунтов на квадратный дюйм, содержание кислорода – 51%, температура воздуха – 10 градусов Цельсия, как мне и обещали.

Из данных локатора следовало, что груз мой опустился милях в ста к северо-западу от того места, где

я стоял сейчас. И, насколько я мог судить по показаниям разных штук, имеющихся в пряжке моих хитроумных доспехов, все приборы там работали нормально. И если информация, которую я получил, была так же хороша, как уплаченные за то, чтобы ее получить, деньги, я находился в десяти милях от того места, куда собирался попасть, примерно в половине дневного переходе от пристанища Джонни Грома. Я включил энергопривод своего скафандра, сверился с компасом и отправился в путь.

Слабое притяжение делало ходьбу неустойчивой даже для человека, буквально измочаленного несколькими тысячами миль атмосферы. Да и скафандр, надетый на мне, тоже был хорошим подспорьем. Хотя по нему этого никогда не скажешь, но обошелся он мне, примерно, во столько же, сколько стоил бы роскошный отпуск на одном из этих родиево-стеклянных миров с управляемым климатом и великолепными оргиями, проходящими при резкой перемене температур. Кроме стандартных устройств, регулирующих состав воздуха и температуру, и сервоустройства, позволяющего мне сейчас идти без неприятных ощущений при ходьбе, скафандр был дополнительно оборудован всеми рефлексными цепями и усилителями реакций, которые были только известны черному рынку. Среди этих хитрых штук было и несколько

таких, на которые ребята из отдела безопасности Лиги были бы не прочь наложить лапы. Один метаболический монитор чего стоил!

Идя по компасу, я постепенно поднимался по склону, и примерно через час добрался до линии вечных снегов. Деревья тянулись еще на несколько тысяч футов; и край леса был как раз там, где начинался совершенно морской голубизны ледник.

Здесь я впервые увидел небеса Вэнгарда: они были темно-голубые, а над снежными пиками принимали фиолетовый оттенок, как бы оттеняя величественных владык этого мира.

После часа ходьбы я сделал привал, задал себе корм в виде питательного раствора и нескольких глотков воды, и немного послушал, как мимо меня шелестела секундами, уносясь в небытие, вечность.

Я представил себе, как корабль с колонистами, который давным-давно, на заре космической эры, девять долгих лет странствовавший в безбрежном пространстве, о котором они знали меньше, чем в свое время знал Колумб об Америке, наполовину рухнул, наполовину опустился на поверхность этой планеты. Я представил, как они впервые выходят из корабля и попадают в величественное молчание этого холодного мира – мужчины, женщины и, возможно, дети – зная, что для них никогда не будет возврата. Я пред-

ставил себе их, оказавшихся лицом к лицу с безысходностью своего положения и все же продолжавших жить. Да, это были мужественные люди, и в наше время подобного мужества уже не встретишь. Люди теперь стали совсем иными – такими, как я. Те принадлежали к мужественному племени пионеров, покорителей границ, полных несбыточных надежд, целеустремленных и питающих большие надежды на будущее.

Во мне же были только качества городского хищника, расчетливость, крысиная отвага, и жил я только сегодняшним днем.

– Это все тишина, – вслух сказал я. – Она действует мне на нервы.

Но собственный голос показался мне маленьким и ничтожным на фоне этой величественной тишины. Я поднялся на ноги и направил свои стопы к следующему хребту.

Часа через три солнце все еще пребывало на прежнем месте – зеленого цвета пятно там, где сходились кроны, то и дело пробивающееся своими холодными лучами сквозь чащу леса, чтобы тут и там осветить ржаво-красные иглы. Я легко, как птица, покрыл уже 40 километров. Нужное мне место теперь было недалеко. Несмотря на слабое притяжение, я уже начал

испытывать чувство легкой усталости, хотя сложные устройства моего скафандра вдвое облегчали каждое мое усилие, а автомед регулярно впрыскивал мне в руку стимулятор. Хотя в этом мне повезло. Дома после подобного приключения мне пришлось бы провести на больничной койке недельки две, как минимум. Я утешал себя этой мыслью, прислонившись к дереву и вдыхая обогащенную воздушную смесь, прописанную мне скафандром. Приятные мысли вообще были прекрасным средством от начинающих понемногу появляться у меня перед глазами искорок. Я все еще блаженствовал, когда вдруг услышал звук...

Ей-богу, до чего забавно, что после жизни, прожитой среди разнообразных звуков, несколько часов, проведенных в абсолютной тишине, могут изменить отношение человека к колебаниям воздуха в слышимом диапазоне. А ведь услышал я всего-навсего смутный далекий зов, похожий на призывный крик какой-нибудь одинокой морской птицы, ищущей свою подругу. Но он заставил меня отшатнуться от дерева так, словно оно в мгновение ока раскалилось докрасна, и встать, пригнувшись, напряженно определяя возможную природу этого звука. А он тем временем стал громче, значит, и ближе, причем скорость его приближения ко мне свидетельствовала о бесплодности каких-либо попыток ретироваться. Я оглядел-

ся в надежде найти подходящее для укрытия дерево, но все они, похоже, с самого рождения уже были старыми – самые нижние ветви находились на высоте не менее пятидесяти футов от земли. Единственным укрытием для меня могли бы послужить несколько тысяч стволов. Но какое-то шестое чувство подсказало мне, что опасность, какова бы она ни была, лучше встретить лицом к лицу на открытом месте. Во всяком случае, мы увидим друг друга одновременно. Я чувствовал, что это что-то живое, и что оно питается мясом – это подсказывал мне еле слышный безапелляционный голос своего самого древнего предка. Я сделал кистью руки движение, которое бросило мне в пальцы рукоятку запрещенного законом небольшого кратерного пистолета, и стал ждать, а зов все приближался и приближался, становясь все громче и мучительнее, как мычание овцы, страдающей от неразделенной любви, как рев отвергнутого подругой быка, как стон гибнущего лося. Теперь до меня доносился и топот огромных лап, переставляемых с такой скоростью, что даже при местном притяжении было ясно, каковы габариты их обладателя. И, наконец, оно появилось из-за деревьев, полностью подтвердив все худшие опасения моего пра-пра... Это была ни собака, ни гиена даже, а то, чем была бы гиена, если бы рост ее в холке достигал семи футов, если бы лапы у

нее были толщиной с мое бедро в самом узком их месте, голова – величиной с кабину одноместного геликопта, а челюсти такие, что в них она смогла бы нести человека, как ученый пес несет домой вечернюю газету. И, возможно, эта последняя мысль только и удержала меня от того, чтобы нажать на спуск. Чудовищный пес замедлил свой бег, подняв в воздух тучу хвои, взвыл последний раз и предъявил мне почти ярд ярко-красного языка. Сам же он был коричневый с черным, гладкошерстный, с обвисшей кожей. У него были большие зубы, но никак не больше шести дюймов от основания до верха. Глаза его были ярко-черными и небольшими, примерно со слоновьи, с красными полукружьями внизу. Он медленно приблизился, как бы желая разглядеть то, что сейчас будет есть. Я слышал, как при движении хрустят его суставы. При каждом шаге его футовой толщины лапы глубоко утопали в покрытой хвоей земле. Я ощутил, что колени мои мелко дрожат, а волосы стоят дыбом. Теперь чудовище было от меня всего в десяти футах, и я видел, как от его дыхания колеблются края его ноздрей, в каждую из которых свободно вошел бы мой кулак. Я твердо знал, что если он приблизится еще хоть на шаг, я нажму на спуск.

– Лежать, малыш! – выдавил я из себя, как мне показалось, решительным тоном приказания.

Он остановился, убрал, а затем снова вытянул язык, потом бережно опустил на землю свою задницу, как старая дева, садящаяся в любимую машину. И вот теперь он сидел и смотрел на меня, а я смотрел на него. А пока мы были заняты этим, появился сам великан.

Он приблизился почти бесшумно, появившись из-за деревьев. Я заметил его только когда он был уже не далее пятидесяти футов – ведь он просто в два раза выше обычного человека, и больше ничего. Просто очень высокий человек, и можно даже пройтись насчет размера его обуви.

Но при этом забываешь, что при двойном росте он заслоняет в четыре раза больше неба, нависая над тобой, что на себе он носит в восемь раз больше мяса и костей. При земном притяжении он весил бы верных тысячу шестьсот фунтов. Здесь, на этой планете, он весил не более полутонны, но даже при этом каждая из его ног несла на себе по пятьсот фунтов. У него были толстые, увитые мышцами ноги, которые были под стать рукам, груди и шее, похожей на кусок ствола дуба, поддерживающей голову. Но, несмотря на всю его массивность, в фигуре его не было никакой диспропорции. Если бы его сфотографировать так, чтобы на снимке было невозможно представить масштаб, он выглядел бы самым обыкновенным мисте-

ром Покорителем Вселенной – стройным, сильным, с хорошо развитой мускулатурой, и больше ничем особенным не выделяющимся. У него были черные курчавые волосы, довольно неровно подстриженные, но подстриженные ничуть не хуже, чем это удалось бы любому человеку, живущему вдали от парикмахеров. Он носил бородку, под густыми черными бровями покоились широко расставленные бледно-голубые глаза. Кожа его была выдублена непогодой и приобрела цвет вытертой телячьей кожи. У него были правильные черты лица, и если вам нравятся лица в стиле Зевс-Посейдон, то вы могли бы назвать его даже симпатичным. Все это я рассмотрел, пока он приближался ко мне, двигаясь настолько же легко, насколько тяжело передвигался его пес. Он остановился рядом с ним и беззаботно потрепал его по голове ладонью, размером с добрую лопату, и принялся разглядывать меня. Тут я на какой-то миг вновь почувствовал себя ребенком, снизу вверх глядящим в мир на взрослых, как Гулливер в стране великанов. Мысли теснились в моей голове, призрачные образы мира, тепла и любви, полной безопасности – смутные воспоминания детства, теперь давно забытые. Я отогнал их и напомнил себе, что я – Бэйрд Улрик, профессионал, выполняющий задание в мире, где просто не может быть места фантазии.

– Ты человек, которого зовут Джонни Гром, – сказал я.

Он ничего не ответил. Кажется, только чуть-чуть улыбнулся.

– Я Паттон, Карл Паттон. Свалился сюда на корабле, – я указал рукой на небо.

Он кивнул.

– Я знаю, – голос его был глубоким и звучным, как орган, недаром у него была такая широченная грудь. – Я слышал, как падал твой корабль, – он окинул меня взглядом и, не заметив никаких внешних повреждений, продолжал:

– Я рад, что ты приземлился благополучно. Надеюсь, Вула не испугала тебя, – его лингва звучала немного старомодно и чуть-чуть высокопарно, с каким-то легким незнакомым мне акцентом.

Лицо мое, закаленное в бесчисленных партиях в покер, должно быть, все-таки вытянулось при этих словах, потому что он улыбнулся. Зубы у него оказались ровными и белыми, как мрамор.

– С чего бы это? – ответил я, стараясь не пищать. – Да даже моя трехлетняя племянница потрепала бы по ноге датского дога. Выше ей просто было бы не дотянуться.

– Пойдем со мной к моему дому. У меня есть пища, огонь.

Я немного опомнился и начал входить в роль.

– Мне необходимо добраться до грузового отсека.

В нем... в общем, там есть пассажиры.

На лице его отразился безмолвный вопрос.

– Они живы... пока, – ответил я. – У меня есть прибор, который сообщил мне, что отсек приземлился благополучно. Ячейки оборудованы противоударными устройствами, так что если уцелел пеленгатор, то и они тоже целы. Но остальное оборудование может быть повреждено. Если это так, то люди могут погибнуть.

– Все это очень странно, Карл Паттон, – сказал он после того, как я закончил объяснения. – Как можно заморозить живых людей?

– Они долго не протянули бы, если бы не низкое содержание кислорода, ответил я. – Они сплошь покрыты ожогами третьей степени. И вполне возможно, что изнутри тоже ожоги. В медицинском центре их поместят в восстановительные камеры и нарастят им новые шкуры. Когда они проснутся, то опять будут как новенькие, – я многозначительно посмотрел на него. Выражение моего лица должно было убедить его в том, что я собираюсь исполнить свой долг до конца. – Если я доберусь туда вовремя – все будет в порядке. Если нет, то... – я не договорил, давая этим понять, какой ужасный конец ждет несчастных. Затем я демон-

стративно взглянул на указатель пеленгатора на своем запястье. – Отсек приземлился где-то в той стороне, – я указал рукой на север. – Только вот не знаю, насколько далеко отсюда.

Я исподлобья взглянул на него, пытаюсь определить, какой эффект возымели мои действия и слова. Чем меньше я ухитрюсь выдать себя, тем лучше. Тем более, что он не показался мне таким простачком, как пытались представить его те, кто готовил меня к заданию. Малейший промах может все испортить. Я произнес:

– Может, миль сто, а, может, и больше.

Он немного подумал, глядя на меня сверху. Глаза его были достаточно дружелюбны, но, казалось, смотрели куда-то сквозь меня. Они напоминали свечу, горящую за окном незнакомого дома.

– Там, куда они упали, нехорошие места, – наконец, сказал он. – Башни Нанди очень круты.

Я знал это. И место выбирал очень тщательно. Я бросил на него мужественный, исполненный беззаветной решимости взгляд.

– Там находится десятеро, и я отвечаю за их жизни. Я обязан сделать все, что в моих силах.

Его взгляд встретился с моим. И в первый раз с момента нашей встречи в его взгляде промелькнул какой-то теплый огонек.

– Сначала ты должен поесть и отдохнуть.

Я хотел сказать что-нибудь, чтобы он поглубже захватил наживку, но как раз в этот момент мир начал медленно крутиться вокруг меня. Я сделал шаг, чтобы восстановить равновесие, но тут пространство вокруг меня заполнили какие-то светящиеся хлопья, затем окружающее стало ускользать от меня, и я соскользнул туда, где меня терпеливо все это время поджидала тьма...

Я проснулся и увидел, как над моей головой на гладком потолке, сделанном из какого-то дерева, пляшут оранжевые отблески света. Потолок находился на высоте футов двадцати. Свет исходил из очага, в котором запросто можно было зажарить целого быка. Очаг был сложен из глыб, вполне годящихся на целое надгробие каждая. Я возлежал на постели, не намного более обширной, чем теннисный корт, а воздух был наполнен запахом супа.

Я подполз к краю постели и рискнул спрыгнуть на пол с высоты в четыре фута. Ощущение было такое, что у меня не ноги, а переваренные макароны. Ребра ныли – возможно, оттого, что я долго лежал на плече великана.

Он взглянул на меня из-за высокого стола, за которым сидел.

– Ты был измотан, – проговорил он. – И у тебя много ушибов.

Я оглядел себя. На мне не было ничего, кроме нижнего белья.

– Где мой скафандр? – рявкнул я.

И моя грубость была вызвана не просто слабостью. Я представил себе свое снаряжение, стоимостью в шестьдесят тысяч кредитов, и сделку стоимостью в миллион небрежно брошенными у утилизатора – или в огонь – и ожидающий меня вместо них комплект теплой одежды.

– Вот он, – мой хозяин указал на край постели.

Я схватил скафандр, проверил. Как будто все было о'кей. Но все это было не по мне. Мне не нравилось то, что человек, с которым мне позже придется иметь дело, ухаживает за мной, совершенно беспомощным.

– Ты отдохнул, – сказал великан. – Теперь поешь.

Я уселся за стол, положив под себя стопку сложенных одеял, и принялся за настоящий котел густого варева из каких-то очень вкусных зеленых и красных овощей и кусков нежного белого мяса.

Был и хлеб – твердый, но вкусный, с привкусом орехов, было вино – самодельное, красное вино, которое, однако, показалось мне гораздо более вкусным, чем любое коллекционное из погребов Арондо на Плезирире-4. После трапезы великан разложил на столе кар-

ту и указал на местность, представляющую собой горный массив, изрезанный вершинами и пропастями.

– Если отсек здесь, – сказал он, – будет трудно. Но, возможно, он упал вот сюда, – он указал на сравнительно более ровную местность к юго-востоку от непроходимых гор.

Я сверился с индикатором, определяя азимут. Направление, которое я указал ему ранее, отклонилось от истинного всего градуса на три. При расстоянии в 113.8 миль – а именно такое расстояние указывали приборы – мы промахнулись бы всего миль на 10.

Великан стал прокладывать линию нашего маршрута на карте. Она пролегла вдоль края того, что он называл Башнями Нанди.

– Возможно, – произнес он. Он явно относился к людям, которые не любят сорить словами.

– Сколько еще будет длиться день? – спросил я.

– Часов пятьдесят или около того.

Это означало, что я провел в забвении почти шесть часов. Это мне тоже не понравилось. Время – деньги, да и к тому же мой график был довольно напряженным.

– Ты связался с кем-нибудь?

Я бросил взгляд на большой старомодный экран у стены. Это была стандартная модель, работающая в Y-диапазоне с радиусом охвата в полмиллиона све-

товых лет. Значит, контакт со станцией Кольцо-8 занимает, примерно, четыре часа.

– Я сообщил мониторинговой станции, что ты благополучно приземлился, – ответил он.

– А что ты еще сообщил им?

– Больше сообщать было нечего.

Я поднялся.

– Тогда можешь снова связаться с ними, – заявил я. – И скажи им, что я нахожусь на пути к грузовому отсеку.

На лице я старался сохранить выражение беззаветности героя-скромняги, который не нуждается в проводах со слезами. Уголком глаза я заметил, как он кивнул, и тогда я на какое-то время даже усомнился в том, что знаменитая способность Уприка к анализу характеров подвела его, если это средоточие мужественности намерено было побережь свою задницу и представить маленькому бедняжке одному проделать весь путь.

– Дорога будет нелегкой, – заметил он. – На перевалах сильные ветры. А на вершинах Куклэйна лежит снег.

– Ничего страшного. Надеюсь, что обогреватель скафандра вполне справится со всем этим. Вот если бы ты одолжил мне немного воды и пищи...

Он подошел к полкам и снял мешок, размерами на-

поминающий климатическую установку для пятикомнатного полевого купола. Теперь я наверняка знал, что жертва попала в мою западню.

Он сказал:

– Если ты ничего не имеешь против, Карл Паттон, то я пойду с тобой.

Я немного поотнекивался, как положено в таких случаях, но, в конце концов, позволил ему убедить себя.

Через полчаса мы отправлялись в путь – после того, как известили станцию Кольцо-8, что выходим к отсеку.

Джонни Гром шел впереди легкой походкой, покрывая расстояние с вполне приличной скоростью.

Создавалось впечатление, что мешок за плечами ничуть его не тяготит.

Одет он был в те же шкуры, которые были на нем, когда он нашел меня. Единственным его оружием был окованный сталью посох.

Его чудовищный приятель трусил сбоку от нас, не отрывая носа от земли.

Я просто шел следом за Джонни. Моя поклажа была легка: гигант заметил, что чем меньше я буду нести за плечами, тем лучшее время мы покажем. Я ухитрялся не отставать, плетясь в то же время немного

позади, чтобы все это выглядело натуральнее.

Кости мои все еще немного ныли, но в общем-то я чувствовал себя почти как жеребенок при этой гравитации.

Целый час мы шли молча, поднимаясь по длинному склону между огромными деревьями. Когда мы достигли вершины, здоровяга остановился и подождал, пока я не подойду к нему, немного запыхавшись, но, в принципе, выдержав первое испытание.

Он сказал:

– Здесь мы отдохнем.

– Черта с два, – ответил я. – Для тех бедняг, может быть, все решают как раз минуты.

– Человек должен отдыхать, – резонно заметил он и уселся, положив обнаженные руки на колени.

Сев, он оказался на одном уровне со мной стоящим. Мне это пришлось не по душе, и я тоже сел.

Чтобы продолжить разговор, ему понадобилось еще минут десять.

Вообще, как я заметил, Джонни Гром был человеком, который не любил заводиться. Он умел выбирать оптимальный темп.

Видимо, мне придется попотеть, чтобы загнать его до смерти на его собственном поле.

Мы пересекли широкую долину и опять оказались

на возвышенности.

Было холодно, деревья росли здесь гораздо более редко, да и размерами они были значительно меньше из-за морозов.

Стволы их были искривлены ветрами и походили на скрюченные руки, вцепившиеся в утесы.

На прогалинах кое-где лежал снег, а кое-какие признаки в небе свидетельствовали о том, что скоро может выпасть еще, и весьма скоро.

Не то, чтобы я мог ощущать резкие порывы ветра, свирепо бросающегося на нас с вершины гор, но ведь великан-то воспринимал холод и ветер обнаженными руками! В отличие от меня, имевшего такой замечательный скафандр.

Я решил при первой же предоставившейся мне возможности разговорить великана, пытаюсь поподробнее узнать его слабые места и болевые точки.

– Разве у тебя нет куртки? – начал я разговор на нашем следующем привале.

Мы расположились на скальном уступе, со всех сторон обдуваемом ветром, скорость которого, по моим подсчетам, приближалась к сорокамильному галопу.

– Здесь у меня плащ, – он похлопал по мешку. – Я надену его позже.

– Ты сам шьешь себе одежду? – я смотрел на дуб-

леную кожу, мехом внутрь, скрепленную крупными парусными стежками.

Он внезапно помрачнел и замолчал.

– Эти одеяния мне изготовила женщина, – наконец ответил он. – Это было очень давно,

– Что верно, то верно, – отозвался я.

Я попытался представить его с женщиной, представить себе его подругу, как она движется, как выглядит. Женщина, десяти футов ростом...

– У тебя есть ее изображение?

– Нет, ее образ хранится в моем сердце.

Он сказал это как само собой разумеющееся, будто это была какая-то ритуальная фраза. Интересно, подумал я, каково это – быть последним представителем своего народа. Но спрашивать его об этом не стал. Вместо этого я спросил:

– Но зачем тебе это нужно? Жить здесь в одиночестве?

Он уставился на ледяные скалы.

– Здесь мой дом, – наконец, сказал он.

Еще один машинальный ответ, за которым не скрывалась никакая мысль. До него просто никогда бы не дошло. Ему даже и в голову никогда не пришло бы, как он мог бы заставить доиться слезами и наличными несколько миллиардов голодных до сенсаций обывателей.

Самая настоящая невыдуманная мыльная опера. Конец пути. Тупик. Бедняжка Джонни Гром, такой отважный и такой одинокий...

– А тебе зачем это нужно... то, что ты делаешь? – вдруг спросил он.

Я почувствовал, что внутренности мои как будто сжала невидимая рука.

– Что ты имеешь в виду? – я выдавил это сквозь зубы, а в это время моя рука уже сжимала кратерный пистолет, мгновенно выскочивший из рукава.

– Ведь ты тоже живешь один, Карл Паттон. Ты правишь кораблями космоса. Ты постоянно в одиночестве и постоянно испытываешь трудности. Вот хотя бы сейчас – ты готов отдать жизнь за своих товарищей.

– Никакие они мне не товарищи, – огрызнулся я. – Они – просто оплаченный груз, и только. Не доставишь – ничего не получишь. И я вовсе не собираюсь отдавать жизнь. Я просто совершаю прогулку для мотиона.

Некоторое время он испытующе глядел на меня.

– Мало кто решился бы подняться на Куклэйн в это время года. Тем более, не имея на то веских причин.

– У меня-то причина достаточно веская. Целых соток тысяч причин.

Он как-то слегка улыбнулся.

– Ты многолик, Карл Паттон, так мне кажется. Но ты отнюдь не глуп.

Я сказал:

– Давай-ка трогаться. Прежде, чем я получу свои законные, нам еще ходить и ходить.

Теперь Джонни Гром шел легким шагом, который казался ему приемлемым для меня.

Собака, казалось, начала нервничать, то и дело задирая нос к небу и принюхиваясь, а затем снова уносились вперед. Я с легкостью поспевал за ним, сопя и отдуваясь на подъемах и довольно естественно стараясь отдышаться на привалах.

Все это я делал очень осторожно, чтобы не показать, как мне на самом деле легко, и в тоже время стараясь не наводить великана на мысль, что мне такой темп не под силу.

Мало-помалу я стал прибавлять шагу и, наконец, мы уже двигались со скоростью более четырех миль в час. Такая скорость хороша для небольших прогулок при земном притяжении и по ровной дороге.

Здесь, чтобы выдержать такой темп в течение даже недолгого времени, нужно было бы быть настоящим атлетом. В то же время для меня с моими пьезоэлектрическими мускулами, принимающими на себя основную долю нагрузки, такая скорость была ничем.

Мы остановились перекусить. Здоровяк извлек из мешка хлеб, сыр и бурдюк с вином и отвалил мне порцию, которой вполне хватило бы на двоих. Я съел большую часть, а остальное отправил в специальный карман для отходов, расположенный на плече скафандра, когда мой сотрапезник отвернулся. Когда он расправился со своей порцией – ненамного большей, чем моя – я поднялся на ноги, давая понять, что того же жду и от него. Он даже не пошевелился.

– Теперь мы должны отдохнуть часок, – заявил он.

– О'кей, – отозвался я. – Только отдыхать тебе придется в одиночестве. Меня ждет дело.

Я пошел прочь, шагая по пятнистому снегу, и отошел уже шагов на десять, когда мимо меня галопом промчалась гигантская шавка, развернулась и преградила мне дорогу. Я попытался обойти ее справа, но пес снова встал на моем пути. То же самое произошло и при левом повороте.

– Отдохни, Карл Паттон, – произнес сзади Голиаф. Он улегся на спину и заложил руки под голову, закрыв глаза. Что ж, ладно, если я могу не давать ему заснуть. Я вернулся и сел рядом с ним.

– Глухомань здесь, – сказал я. Он ничего не ответил. – Такое впечатление, что здесь отродясь никто не бывал, – добавил я. – Даже мятой жестянки из-под пива не видно.

Это тоже не возымело успеха.

– Чем, интересно, ты кормишься здесь? – спросил я. – Из чего делаешь сыр и хлеб?

Он открыл глаза.

– Из сердцевины дерева-друга. Ее или размалывают в муку или делают массу и сквашивают.

– Неплохо, – заметил я. – Но уж вино-то наверняка привозное.

– Вино нам дают плоды того же самого дерева, – он так произнес это «нам», словно дома его ждала жена, шестеро ребятишек и недочитанная книга.

– Сначала, наверное, было очень тяжело, – сказал я. – Если вся планета такова, то трудно даже представить себе, как твои предки ухитрились выжить.

– Они боролись, – ответил великан так, будто это объясняло все.

– Но ведь больше незачем бороться, – возразил я. – Ты преспокойно можешь покинуть эти скалы и жить где-нибудь беззаботно под не очень жарким солнцем.

Великан задумчиво смотрел в небо.

– У нас есть легенда о месте, где воздух мягок, а прямо из земли растут сочные фрукты. Я думаю, мне бы там не понравилось.

– Почему же? Тебе, наверное, кажется, что это особый шик – жить, преодолевая трудности.

Он повернул голову и взглянул на меня.

– А ведь на самом деле это ты испытываешь трудности, Карл Паттон. Я-то у себя дома, в то время как ты страдаешь от холода и усталости в месте, чужом для тебя.

Я что-то проворчал себе под нос.

Джонни Гром так выворачивал все, что бы я ни сказал, что мои слова рикошетом попадали в меня же.

– Я слышал, что здесь существует весьма кровавая разновидность животных, – сказал я. – Но до сих пор ни одного не встречал.

– Скоро встретишь.

– Тебе интуиция подсказывает, или...

– Нас уже несколько часов преследует стая снежных скорпионов. Когда мы выйдем на открытое место, ты их увидишь.

– Откуда ты знаешь?

– Так говорит мне Вула.

Я взглянул на огромную гончую, улегшуюся на землю и положившую голову на лапы. Она выглядела усталой.

– А откуда у вас взялись собаки?

– У нас всегда были собаки.

– Наверное, в первом корабле была пара, – предположил я. – Или, может быть, замороженные эмбрионы. Скорее всего, так оно и было. Переселенцы наверняка везли с собой зародышей самых различных

животных.

– Вула происходит из породы военных псов. Ее предком был могучий Стэндфаст, который одолел псов Короля Руна на Поле Сломанного Клинка.

– Вы что же – воевали?

Он ничего не ответил. Я фыркнул.

– Я-то думал, что при тех колоссальных усилиях, которые вам приходилось прикладывать, чтобы выжить, вы не слишком дорого ценили свои жизни.

– Чего стоит жизнь без правды? Король Рун сражался за свои убеждения. Принц Дал сражался за свои.

– И кто же победил?

– Они бились двадцать часов, и один раз принц Дал упал, и тогда король Рун отступил назад и убедил его подняться. Но, в конце концов, Дал сломал королю спину.

– Ну, так значит... разве это послужило доказательством его правоты?

– Какое значение имеет, во что верит человек, Карл Паттон, раз он верит в это всем сердцем и душой?

– Чушь. Фактам безразлично, кто убежден в них.

Тут великан сел и указал рукой на белые вершины, мерцающие вдали.

– Правы горы, – произнес он. Затем взглянул на небо, где в вышине темно-пурпурные облака громоздились подобно крепостным укреплениям. – Небо

право. И эта правота означает гораздо больше, чем факты скал и газа.

– Я никак не могу вникнуть в твои поэтические доводы, – сказал я. – Я знаю одно – что хорошо вкусно есть, спать в мягкой постели и иметь в своем распоряжении все самое лучшее. И тот, кто утверждает обратное, либо несчастный, либо дурак.

– А что такое «самое лучшее», Карл Паттон? Разве может быть лучшее ложе, чем усталость? Лучшая приправа, чем аппетит?

– Ты, видно, вычитал это в книге...

– Если ты преклоняешься перед легкой роскошью, о которой ты говорил, то почему же ты здесь?

– О, это проще некуда. Чтобы заработать денег на все остальное.

– И потом... если ты не погибнешь на этом пути – неужели ты отправишься туда, на свой прелестный мирок, и будешь поедать сочные плоды, возвращенные кем-то другим?

– Еще бы, – ответил я. – А почему бы и нет?

Тут я почувствовал, что слова мои – это слова безумца, и не понял, почему. Это окончательно вывело меня из равновесия. Но спорить я не стал и сделал вид, что уснул.

Через четыре часа мы добрались до вершины длинного склона, и перед нами предстала целая ты-

сяча миль, леса и ледника – пространство, достойно соответствующее масштабам мира под названием Вэнгард.

Мы уже девять часов были в пути и, несмотря на все свои хитроумные приспособления, я начал уставать. Верзила же был как новенький. Он поднес к глазам ладонь, защищаясь от солнца, которое было каким-то особенно маленьким и пронзительно ярким, как перед бурей, и указал на пик, который отделяла от нас долина. До него было, примерно, с милю или две.

– Там мы будем ночевать, – сказал он.

– Он лежит в стороне от нашего пути, – заметил я. – Почему бы нам не заночевать прямо здесь?

– Нам необходима крыша над головой и очаг. Холгримм ничего не будет иметь против.

– Какой еще Холгримм?

– Там находится его дом.

Я почувствовал, как по спине у меня поползли мурашки. Так бывает, когда в ваш разговор вдруг вмешается привидение. И не то, чтобы я боялся привидений, просто так считается среди людей.

Остаток пути мы проделали в молчании. Вула подолгу принюхивалась и фыркала все чаще по мере того, как мы приближались к хижине. Она была сложена из бревен, когда-то обтесанных, а теперь потемневших. Крыша была высокой, покрытой черепицей, а

в окна были вставлены разноцветные стекла в свинцовых переплетах. Когда мы оказались на открытом месте, великан некоторое время стоял, опираясь на свой посох и прислушиваясь. Дом, как будто, довольно хорошо сохранился. Но ведь и сложен он был из тех же скал и деревьев, что стояли вокруг, потому что ничто не выдержало бы схватки с непогодой.

– Послушай, Карл Паттон, – сказал великан. – Кажется, будто вот-вот послышится голос Холгримма, и он гостеприимно распахнет дверь, приглашая нас войти.

– Да, если бы он был жив, – отозвался я.

Я прошел мимо него и подошел к входу, который представлял собой деревянную дверь из темно-пурпурного дерева, которая вполне могла бы служить воротами в Собор Парижской Богоматери. Я обеими руками потянул на себя огромную железную дверную ручку, но без малейшего успеха. Джонни Гром открыл ее буквально мизинцем.

В большой комнате было холодно. Изморозь, покрывающая пол, хрустела у нас под ногами. В полумраке я заметил шкуры, развешанные по стенам и отливающие зеленым, красным и золотым мехом, словно это были не шкуры, а хвосты павлинов. Были здесь и другие трофеи: огромный череп с длинным клювом длиной фута три и ветвистыми рогами, похожими на

громадную корону из слоновой кости, острые кончики которых были выгнуты вперед и остры, как кинжалы. Была обтянутая кожей голова, которая состояла из одних челюстей и зубов, и потемневших от времени боевой топор с рукояткой длиной футов десять и затайливым лезвием. Посреди комнаты стоял длинный стол, до которого, наверное, в свое время доходило тепло от очага, огромного, как городская квартира.

Я заметил отблеск дневного света на стоящих на столе кубках, тарелках, приборах. Вокруг стола были расставлены кресла с высокими спинками, и в кресле, стоявшем у дальнего конца стола, лицом ко мне с мечом в руке восседал седобородый гигант. Пес завыл, что вполне соответствовало охватившему меня чувству.

– Холгримм ждет нас, – мягко произнес позади меня Джонни. Он двинулся вперед, я за ним, переборков, наконец, оцепенение. Приблизившись, я различил мелкие кристаллики инея, сплошь покрывшие тело сидящего гиганта. Они отблескивали в его бороде, на тыльных сторонах ладоней, на веках.

Кристаллики льда покрывали и стол, и тарелки, и гладкое дерево кресел. Когти Вулы, когда она следовала за своим хозяином, громко стучали по огромным доскам пола,

– Разве вы не хороните своих мертвых? – выдавил

я из себя, слегка запинаясь.

– Его женщина посадила его так, согласно его собственной воле. Он так пожелал, когда понял, что смерть неминуема.

– Но почему?

– Это тайна, которую знает только один Холгримм.

– Может, нам лучше выйти наружу? – предложил я. – А то это место напоминает мне морг.

– Огонь поправит это дело.

– Но тогда растает и наш приятель. Лично я предпочел бы, чтобы он оставался так, как есть.

– Мы разведем небольшой огонь, только чтобы разогреть пищу и чтобы были угли, возле которых можно провести ночь.

В ящике возле входной двери нашлись дрова, темно-красные, твердые, как камень, и уже наколотые до нужной толщины. Нужной, естественно, моему компаньону. Он орудовал восьмифутовыми поленьями толщиной не менее восемнадцати дюймов так, словно это были хлебные палочки. Должно быть, они были насыщены летучими маслами, так как запыхали от первой же спички и начали гореть с ревом, распространяя по комнате запахи мяты и камфары. Большой Джонни сварганил какое-то пойло из горячего вина и тягучего сиропа, который обнаружил в кувшине на столе – он вмерз в лед, и его пришлось выламы-

вать. Когда напиток был готов, он протянул мне с полгаллона. Штука оказалась крепкой, но приятной на вкус, сначала отдающей скипидаром, но затем оказывающейся сущей амброзией. Еще у нас был хлеб, сыр и суп, который он разогрел в большом котле над очагом. Я наелся до отвала и еще кое-что отправил в наплечный карман. Мой высокий друг ограничился совершенно спартанской порцией и перед тем, как выпить, обернулся к нашему хозяину и поднял кубок в его честь.

– Сколько же времени он вот так сидит? – спросил я.

Он задумался, производя в уме какие-то подсчеты.

– Десять местных лет, – он помолчал и добавил: – Это более ста стандартных лет Лиги.

– Наверное, он был твоим другом?

– Мы сражались, но потом снова вместе пили вино. Да, пожалуй, он был мне другом.

– Так сколько же лет ты живешь здесь один?

– Девять лет. Дом Холгримма был, пожалуй, самым последним местом, куда проникла чума.

– А почему же она не убила и тебя?

Он покачал головой.

– Вселенная тоже умеет шутить.

– Каково же это было, когда все кругом начали умирать...

Великан обхватил свою чашу руками и устался мимо меня в огонь.

– Сначала никто ничего не понимал. Ведь мы здесь вообще не знали болезней. Нашими единственными врагами были ледяные волки, лавины и смертельный холод. А это было что-то совершенно новое – враг, которого мы не видели. Некоторые так и умерли, удивляясь, другие, очертя головы, бросились в леса, но и там их, в конце концов, постиг тот же удел. Ксандар убил своих сыновей и дочерей, прежде чем их прикончила удушливая смерть. Йошал стоял на снегу, вращая над головой свой боевой топор и выкрикивая небу угрозы, пока не упал и уже больше не поднялся.

– А что же стало с твоей семьей?

– Сам видишь.

– Что?

– Холгримм был моим отцом.

Мы спали, закутавшись в шкуры, которые Джонни Гром снял со стен и размягчил над огнем. Насчет тепла он оказался прав. Огромное пламя растопило иней только внутри правильного десятифутового полукруга, но даже не коснулось остальной комнаты. За порогом все еще стоял ранний полдень, когда мы уже снова двинулись в путь. Я шел так быстро, как только мог. После восьми часов ходьбы по сильно пересеченной

местности, непрерывно поднимающейся вверх, великан предложил передохнуть.

– Я, конечно, поменьше тебя, но это вовсе не причина для меня раньше выбиваться из сил, – ответил я ему. – К тому же я привык к более сильному тяготению. А в чем дело, ты устал? – этот вопрос я задал как бы между прочим, но ответа ждал с волнением. До сих пор он казался свеженьким, как огурчик.

– Нет, со мной все в порядке. Пока дорога еще не трудна.

– Судя по карте, отсюда путь будет все тяжелее и тяжелее.

– Да, на высоте я начну выдыхаться, – согласился он. – Но все же как-нибудь выдержу. Только вот Вула измоталась, бедняга.

Собака растянулась на боку. Она была похожа на павшую лошадь, вот только ни у одной павшей лошади не дрогнул бы хвост при упоминании ее клички да не ходили бы ходуном ребра от усилий набрать разреженного горного воздуха.

Разреженного, конечно, по меркам Вэнгарда. По сравнению с земным воздухом содержание кислорода по-прежнему оставалось высоким.

– Почему бы не послать ее обратно?

– Не уйдет. И потом мы еще будем рады Вуле, когда появятся снежные скорпионы.

– Опять ты об этих скорпионах. Ты уверен, что они не плод твоего воображения? Эти места выглядят пустынными, как заброшенное кладбище.

– Они выжидают, – сказал он. – Они знают меня и Вулу. Много раз они пытались проверить нашу бдительность – и каждый раз оставляли на снегу своих мертвых. Поэтому они просто следуют за нами и выжидают.

– Моя пушка справится с ними, – я показал ему официально разрешенное огнестрельное оружие, которое было у меня на виду. Он вежливо осмотрел его.

– Снежный скорпион умирает нелегко, – заметил он.

– Эта штука бьет как пушка, – уверил я его и продемонстрировал эффективность пистолета, отстрелив верхушку шкалы ярдах в двадцати от нас. Между деревьями заметалось мощное эхо: «Кар-ронг! Кар-ронг!» Он чуть улыбнулся.

– Все может быть, Карл Паттон.

Эту ночь мы провели в лесу.

На следующий день ходьба наша стала иной с самого начала. На открытом месте намело снега, который замерз и покрылся коркой, выдерживающей мой вес, но ломающейся под ногами великана и его собаки. Теперь я уже не плелся позади. Я возглавил про-

цессию, а большому Джонни пришлось тяжело, когда он вынужден был поспевать за мной. Он не жаловался и, казалось, не задыхался слишком сильно. Он просто продвигался вперед, то и дело останавливаясь подождать, пока его милый песик догонит его, и каждый час устраивал привал.

По мере подъема местность становилась все более и более открытой. Пока мы шли по лесу, вокруг были деревья, и оставалось ощущение чего-то знакомого, не слишком, конечно, но все же вокруг была жизнь, и притом почти земного типа. Можно было обманывать себя, представляя, что где-то вон за тем перевалом увидишь дом или дорогу. Но только не здесь. Перед нами расстилалось теперь совершенно голое снежное поле, чужое, как поверхность Юпитера, украшенное только тенями окружающих горных вершин. А впереди над ним нависал ледник, выделяясь на фоне темного неба, сахарно-белый в лучах заходящего солнца, пестрящий зеленовато-голубыми тенями.

Часа через три великан вдруг указал мне на что-то далеко позади нас. Это было похоже на россыпь черного перца на белой скатерти.

– Стая скорпионов.

– Если мы будем стоять и смотреть на них, нам никогда их не обогнать,

– проворчал я.

После этого мы непрерывно шли на протяжении десяти часов, поднялись и перевалили через один хребет, потом через второй, еще более высокий, и только тогда он попросил сделать привал. Уже надвигались сумерки, когда мы устроили свой лагерь в снежном сугробе, если только можно назвать лагерь парой нор, вырытых в снегу. Великан разжег небольшой костер и разогрел суп. Мне он, как всегда, налил очень солидную порцию, а себе и своей собаке оставил, на мой взгляд, меньше, чем следовало бы.

– Как у нас с припасами? – спросил я.

– Все в порядке, – только и ответил он.

Температура понизилась до минус девяти градусов по Цельсию. Он вытащил свой плащ-шкуру какого-то сверхбарана, расцвеченную черными и оранжевыми полосами – и закутался в него. Пес и он спали вместе, тесно прижавшись друг к другу, чтобы было теплее. Я отклонил приглашение присоединиться к ним.

– С моей циркуляцией все в порядке, – заверил я. – Обо мне можно не беспокоиться.

Но, несмотря на свой костюм, проснулся я дрожа и был вынужден переключить свой термостат на усиленный обогрев. Верзиле же, кажется, холод был ничем. Впрочем, благодаря своим габаритам он имел одно преимущество. На единицу веса у него приходилась меньшая площадь излучающей тепло поверхно-

сти. То есть мороз его не проймет, если только не случится ничего непредвиденного.

Когда он разбудил меня, стояли глубокие сумерки. Солнце уже почти скрылось за вершинами гор на западе. Нам предстояло подниматься по склону, покрытому снегом, под углом градусов тридцать. Хотя по пути нам должно было попасться немало скальных выступов и обледеневших участков склона, которые делали продвижение вполне возможным, шли мы довольно медленно. Стая, идущая по нашим следам, стала нас догонять. Пока мы спали, она, по моим подсчетам, сократила разрыв между нами миль до десяти и теперь двигалась за нами, рассыпавшись широким полукругом. Мне это не нравилось. Подобные действия предполагали в наших возможных противниках больше разума, чем хотелось бы от них ожидать, учитывая те изображения снежных скорпионов, которые мне пришлось видеть. Вула, обернувшись, вытаращила глаза, оскалила зубы и завывала, глядя на наших преследователей. Великан же просто продолжал идти медленно и упорно.

– Так как же насчет этих самых? – спросил я на следующем привале. – Будем ждать, пока они нас нагонят? Или засядем где-нибудь в таком месте, где у нас спина будет прикрыта?

– Они еще должны добраться до нас.

Я посмотрел назад вдоль склона, по которому мы поднимались, кажется, уже целую вечность, и попытался прикинуть на глаз разделяющее нас расстояние.

– Никак не далее пяти миль, – заметил я. – И они давно уже могли бы быть гораздо ближе. Чего они ожидают?

Он посмотрел вперед и вверх на высокий хребет, возвышающийся в двух милях от нас.

– Там, вверху, воздух разрежен и холоден. Они чувствуют, что там мы ослабнем.

– Они правы.

– Но они там тоже сдадут, Карл Паттон, хотя, возможно, и не так сильно, как мы, – он произнес это совершенно равнодушно, как будто рассуждал о том, стоит ли завтра устраивать пикник.

– Разве тебя это не волнует? – спросил я. – Разве ты предпочитаешь, чтобы стая голодных пожирателей мяса прижала тебя на открытом месте?

– Это у них в крови, – просто ответил он.

– Не терять мужества хорошо, пока не рискуешь потерять все остальное. А как насчет того чтобы организовать засаду? Вон там, – я указал на россыпь скал ярдах в ста впереди.

– Они не полезут туда.

– О'кей, – сказал я. – Будем считать, что ты опыт-

ный проводник-абориген, а я – просто турист. Сыграем по предложенным тобой правилам. Но скажи, пожалуйста, что нам делать, когда настанет ночь?

– Скоро взойдет луна.

В течение следующих двух часов мы покрыли всего около трех четвертей мили. Теперь подъем был уже градусов сорок пять. Сыпучий снег при каждом шаге струйками сыпался из-под ног. Если бы не мой скафандр, не знаю, как бы я вынес все это, даже при сравнительно небольшом тяготении. Здоровяга Джонни теперь все чаще прибегал к помощи рук, а пыхтенье пса прямо-таки надрывало сердце.

– Сколько лет псу? – спросил я, когда мы лежали на спине во время следующего привала. Мои попутчики с трудом пытались надышаться тем, что для них было очень разреженным высокогорным воздухом. Я же старался как можно правдоподобнее имитировать те же усилия, хотя на самом деле дышал обогащенной смесью, исправно поставляемой коллектором скафандра.

– Три года.

– Это около тридцати пяти стандартных. А сколько же... – я спохватился и тяжело и тяжело задышал, – сколько же они обычно живут?

– Никто... не знает.

– Что ты имеешь в виду?

– Псы из такого рода... погибают в бою.

– Похоже, что и ей этого не миновать.

– Она будет... только благодарна за это.

– Такое впечатление, что она до смерти перепугана, – сказал я. – И до смерти измотана.

– Она устала, это верно. Но страха... она просто не может знать.

До того как стая решила, что настало подходящее для нападения время, мы успели пройти еще с полмили.

Пес первым почувствовал опасность. Собака завyla, как раненый в брюхо слон, и бросилась футов на двадцать вниз по склону и встала между нами и ними. Трудно было представить себе более невыгодную для обороны позицию. Для нас единственным преимуществом было то, что мы располагались выше. Мы стояли на участке замерзшего снега, очень покатом, похожим на скат крыши. Великан своими гигантскими ножищами стал вытаптывать площадку, придавая ей форму круга.

– Кретин чертов, лучше бы ты насыпал снег кучей! – заорал я. – А ты вместо этого роешь нам ледяную могилу!

– Делай как я... Карл Паттон, – задыхаясь, ответил он. – Если тебе дорога жизнь.

– Нет уж, спасибо, я лучше останусь наверху.

Я выбрал себе местечко слева от него и собрал несколько кусков льда, сделав из них нечто вроде бруствера. Потом я долго и демонстративно проверял свой пистолет (разрешенный законом) и в то же время незаметно настроил незаконный кратерный пистолет на максимальную дальность боя самым узким лучом. Сам не знаю, почему я скрывал его так тщательно. Верзила наверняка не имел ни малейшего представления о разнице между легальным и контрабандным оружием. Может быть, я руководствовался инстинктом, подсказывавшим мне, что туза лучше всего придержать в рукаве.

К тому времени, когда я закончил приготовления, стоя была уже в четверти мили от нас и быстро приближалась, причем они не то чтобы бежали или передвигались скачками, нет, они почти летели на своих пучках лап, словно выкованных из стальных стержней, пожирая расстояние, как огонь пожирает сухую траву.

– Карл Паттон, лучше бы тебе встать за моей спиной, – окликнул меня великан.

– Я не нуждаюсь в твоей защите! – рявкнул я в ответ.

– Слушай меня! – сказал он тогда, и тут я впервые не заметил в его голосе обычной беззаботности и спо-

койствия. – Они не могут напасть на всем ходу. Сначала они останавливаются, чтобы занести шип для удара. Только в этот момент они и уязвимы. Старайся попасть в глаз, но остерегайся клешней.

– Я предпочитаю действовать на большей дистанции, – отозвался я и послал пулю в одного, который немного вырвался вперед, но все еще был ярдах в двухстах от нас. На льду полыхнула яркая вспышка – небольшой промах. Следующий заряд попал в яблочко – точное попадание в самый центр листовидной пластины брони, совершенно черной, которая прикрывала грудь. Он даже не покачнулся.

– Бей в глаз, Карл Паттон!

– Какой еще глаз! – завопил я. – Все, что я вижу – это листовая броня да ходули! – я выстрелил, стараясь попасть по ногам, промахнулся, снова промахнулся, потом увидел, как куски конечностей полетели в разные стороны. Их обладатель замешкался всего на какую-то пару микросекунд, а, может быть, я просто моргнул. Я даже не смог бы теперь с уверенностью сказать, в которого из них я попал.

Они продолжали приближаться, смыкая ряды, и теперь казались немного больше, гораздо смертоноснее, став похожими на какой-то вал легкого вооружения, усеянного шипами и остриями, совершенно неуязвимого, которому никто не противостоял, если

не считать человека с палкой, замученного старого пса и меня с моей дурацкой хлопушкой.

Я почувствовал, что пистолет дергается у меня в руке, и понял, что стреляю не переставая. Я отступил на шаг, отшвырнул пистолет с его бесполезными пулями и сжал в ладони рукоять кратерного пистолета. К этому времени линия нападающих достигла как раз того места, где скрывалась без движения Вула.

Но вместо того, чтобы с ходу налететь на гигантского пса, пара, которая двигалась прямо на Вулу, вдруг затормозила и замерла на месте, очень быстро и совершенно непонятным образом перегруппировала свои конечности, опустила передние части туловища к земле, а зады задрала вверх, и тогда вперед протянулись два футовой длины жала, которые раскачивались, готовые вонзиться в ничем не защищенное тело пса...

Никогда бы я не поверил, если бы мне сказали, что такая огромная туша может настолько молниеносно двигаться. Она метнулась прямо с места, как крикетный шар, пролетела по воздуху разделявшее их расстояние, в прыжке изогнувшись, чтобы впиться челюстями, огромными, как медвежий капкан, в того, что был слева, приземлилась, распростершись, извернулась и цапнула второго. После этого она замерла, рыча на месте, в то время как оба ее противника без-

успешно били в лед в том месте, где она находилась раньше, своими жалами.

Все это произошло в какие-то доли секунды, пока я поднимал свой кратерный пистолет, чтобы выпустить мультимегатонный заряд в чудовище, выросшее прямо предо мной. Удар проделал в панцире дыру диаметром не меньше фута и отбросил нападающего примерно на ярд, но совершенно не замедлил его удара. Жало взвилось вверх и вонзилось в лед у меня между ногами.

– Глаз! – голос великана перекрыл рычание Вулы и сердитое жужжание атакующих. – Глаз, Карл Паттон!

И тогда я увидел его: трехдюймовый кружочек, похожий на кусочек сетчатого стекла, темно-красного цвета, выглядывающий из-под края брони над крючковатым носом. Я выстрелил туда, и глаз как будто взорвался. Я метнулся налево и снова выстрелил, краем глаза заметив, что великан размахивает своей дубиной. Я спрыгнул со своего возвышения и принялся прокладывать дорогу к нему, стреляя в тех, что были ближе всего. Скорпионы просто-таки кишели вокруг нас, но одновременно у края вытопанной великаном ямы могли оказаться только шестеро. Один скорпион соскользнул в яму, сорвавшись с края, попытался подняться на ноги, но умер, разможенный ударом опустившейся на него дубинки. Я прикончил

еще одного и прыгнул к великану.

– Спиной к спине, Карл Паттон! – крикнул он.

Пара скорпионов одновременно забралась на баррикаду из тел мертвых чудовищ, но пока они изготавливались к нападению, я перестрелял их, а затем прикончил еще одного, который старался забраться на их еще корчащиеся трупы.

Затем внезапно наступила передышка и слышно стало только тяжелое дыхание великана, похожее на звуки парового котла, и сдавленное рычание пса.

Тут я почувствовал боль в бедре и ощутил, что дыхание обжигает мне глотку. Футах в десяти от нас один из скорпионов еще приплясывал на своих ногах, но ближе не подходил. Остальные откатывались назад, жужжа и щелкая.

Я начал влезать наверх, но рука, огромная, как корабельный утлегарь, остановила меня.

– Пусть они сами подойдут... – голос великана прервался. Лицо его покраснело и он с трудом хватал воздух широко открытым ртом. Но на его лице была улыбка.

– Тебе виднее, – сказал я.

– Твое маленькое оружие бьет не хуже настоящего мужчины, – заметил он вместо того, чтобы пройтись насчет моей глупости.

– Из чего они? У меня было такое впечатление, что

я стреляю в легированную сталь двухдюймовой толщины.

– С ними нелегко справиться, – сказал он. – И все-таки мы прикончили девятерых, – он взглянул на собаку, которая тяжело дыша, стояла мордой к противникам. – Вула прикончила шестерых. Впредь они будут осторожнее... – он запнулся, посмотрев на меня, на мою ногу.

Потом он опустил на колено и дотронулся до прорехи в моем скафандре, которой я не заметил.

Вид разорванного материала скафандра просто потряс меня. Его невозможно было пробить даже из игольного ружья – но одно из жал легко справилось с ним.

– До кожи не дошло, – сказал он. – Счастье сопровождало тебе сегодня, Карл Паттон. Укол жала смертелен.

Что-то шевельнулось позади него. Я вскрикнул и выстрелил, и в тот же миг на то место, где он только что стоял, прыгнул скорпион.

Я упал, перекатился и выстрелил ему в глаз, куда тотчас же угодила и дубина Джонни Грома. Я поднялся на ноги и увидел, что остальные уходят, спускаясь вниз по склону.

– Дурень чертов! – заорал я на великана. От ярости голос мой прервался. – Ты что, сам за собой после-

дить не можешь?

– Я в долгу перед тобой, Карл Паттон, – только и вымолвил он.

– К черту долги! Никто мне ничего не должен... и, соответственно, наоборот!

На это он ничего не ответил, только взглянул на меня с высоты своего роста и слегка улыбнулся, как улыбнулся бы взрослый расшалившемуся ребенку.

Я сделал пару глотков подогретого и обогащенного воздуха из баллона, и почувствовал небольшое облегчение... но очень небольшое.

– Может быть, ты назовешь мне свое настоящее имя, маленький воин? – спросил великан.

Я ощутил холодок в груди.

– Что ты имеешь в виду? – растерянно спросил я.

– Мы сражались бок о бок. И теперь нам следовало бы обмениваться тайными именами, которые при рождении дали нам матери.

– Ах, магия, да? Джуджу? Таинственные могущественные заклинания. Брось, здоровяк, с меня хватит и одного имени – Джонни Грома.

– Как хочешь... Карл Паттон.

И он отправился осматривать пса, а я стал осматривать поврежденный скафандр.

Сервомоторы ног лишились части мощности, и пострадал обогреватель. Это было плохо. Мне еще

предстояло гнать великана довольно долго, прежде чем я выполню порученную мне миссию.

Когда через полчаса мы снова тронулись в путь, я все еще удивлялся – почему я это так поторопился спасти жизнь человеку, которого должен убить?

Три часа спустя мы расположились на ночлег. Когда мы устроились в вытопанных в снегу ямах, было уже темно.

Джонни Гром сказал, что скорпионы больше не вернутся, но я все никак не мог успокоиться в своих поврежденных доспехах. У меня было ощущение, что я заживо похоронен в темной глубокой безвестной могиле. Потом я, должно быть, уснул, потому что, когда я проснулся, в лицо мне лился бело-голубой свет.

Над вершинами хребта взошла внутренняя луна – Кронус, изрытый кратерами диск, почти полный и висящий так низко, что, казалось, до него можно допрыгнуть и со звоном стукнуться об него головой.

При лунном свете мы двигались достаточно хорошо, особенно если учесть, что подниматься нам приходилось по склону ледника.

На высоте в сорок пять тысяч футов мы достигли перевала, и некоторое время смотрели на расстилавшуюся внизу долину и возвышающийся за ней следующий хребет. Он отстоял от нас миль на двадцать, и

при ночном освещении казался серебряно-белым.

– Может быть, за ним мы обнаружим их, – сказал великан.

Голос его стал каким-то бесцветным, будто потерял тембр. Лицо у него, похоже, было обморожено и онемело от ледяного ветра. Вула скорчилась за его спиной, выглядя подавленной и старой.

– Вполне, – сказал я. – А, может, за последующим, а может, за тем, что позади него.

– За этими хребтами лежат Башни Нанди. Если твои друзья оказались там, то их сон будет долг – да и наш тоже.

До следующего хребта было два перехода. К тому времени, как мы достигли его, луна поднялась уже достаточно высоко и освещала окрестности призрачным светом. Но вокруг не видно было ничего, кроме бесконечного льда.

Мы сделали на льду привал, затем тронулись дальше. Скафандр теперь причинял мне неудобства, регулировавшись, и у меня начали мерзнуть пальцы на правой ноге. И, несмотря на то, что по дороге я то и дело принимал горячие концентраты, а в вену мне через определенные промежутки впрыскивались стимулирующие средства, я начал испытывать усталость. Конечно, не такую сильную, как Большой Джонни. У него был измученный и голодный вид, и он передви-

гал ноги так тяжело, словно к ним было приковано по наковальне.

Он по-прежнему позволял себе и собаке съесть более чем скромные порции пищи, а мне выделял даже больше, чем себе.

А я по-прежнему совал то, что не мог съесть, в кармашек рукава и смотрел, как он мучается от голода. Но он был очень вынослив: он слабел от голода медленно, нехотя уступая пядь за пядью.

В ту ночь, когда мы лежали за построенной им из снега загородкой, защищавшей нас от ветра, он задал мне вопрос:

– Карл Паттон, интересно, каково это – путешествовать в пространстве между мирами?

– Как в одиночном заключении, – ответил я.

– Тебе по душе одиночество?

– Какая разница? Это моя работа.

– А что тебе нравится, Карл Паттон?

– Вино, женщины и песни, – ответил я. – Но, в крайнем случае, без песен можно и обойтись.

– Тебя ждет женщина?

– Женщины, – поправил я. – Но они не ждут меня.

– Кажется, ты немного любишь, Карл Паттон. Тогда что же ты ненавидишь?

– Дураков, – сказал я.

– Так, значит, это дураки послали тебя сюда?

– Меня? Меня никто никуда не посылал. Я всегда отправляюсь туда, куда сам пожелаю.

– Тогда, значит, тебя привлекает свобода. Нашел ли ты ее здесь, в моем мире, Карл Паттон? – лицо его было похоже на скорбную маску или на выветренную скалу, но голос, казалось, насмехался надо мной.

– Ты понимаешь, что погибнешь здесь, или нет? – я не собирался говорить этого, но слова вырвались у меня сами собой. И тон их показался мне безжалостным.

Он взглянул на меня так же, как делал это всегда, прежде чем заговорить: как будто старался прочесть что-то, написанное у меня на лице.

– Человек должен когда-нибудь погибнуть, – сказал он.

– Тебе нечего делать здесь. Брось все это, возвращайся и забудь об этом всем.

– Но ведь и ты мог бы сделать то же самое, Карл Паттон.

– Я? Вернуться? – воскликнул я. – Ну, уж нет, благодарю. Я еще не закончил своих дел.

Он кивнул.

– Человек должен всегда доводить свои дела до конца. Иначе он ничем не будет отличаться от снежинки, гонимой ветром.

– Так ты, значит, думаешь, что это игра? – рявкнул

я. – Состязание? Исполни или погибни, или, может быть, и то, и другое вместе, и пусть победит сильнейший?

– А с кем же мне состязаться, Карл Паттон? Разве мы с тобой не товарищи, идущие бок о бок?

– Мы чужие друг другу, – ответил я. – Ты ведь не знаешь меня, а я не знаю тебя. И перестань доискиваться причин, побуждающих меня делать то, что я делаю.

– Ты отправился в путь, чтобы спасти жизни беспомощных, потому что это твой долг.

– Да, мой, но не твой! Ведь ты-то не обязан сворачивать себе шею в этих горах! Ты спокойно можешь покинуть пределы этой фабрики льда и до конца своих дней дожить героем человечества, имея в своем распоряжении все, чего душа пожелает...

– То, чего бы я пожелал, никто не в силах мне дать.

– Должно быть, ты ненавидишь нас, – заметил я. – Ведь мы чужаки, которые явились сюда и погубили твой мир.

– Разве можно ненавидеть силы природы?

– Хорошо, тогда что же ты ненавидишь?

На какое-то мгновение мне показалось, что он не станет отвечать на этот вопрос. Но он произнес:

– Я ненавижу труса в своей душе. Голос, который нашептывает спасительные советы. Но если бы я бе-

жал и тем самым спас свою плоть, каким бы духом потом жила она и освещалась?

– Если хочешь бежать – беги! – почти закричал я. – Ты проиграешь эти гонки, великан! Отступи, пока не поздно!

– Нет, я пойду дальше – пока смогу. Если мне повезет, то плоть моя погибнет раньше духа.

– Дух, дух, черт побери! У тебя просто мания самоубийства!

– Что ж, тогда я в неплохой компании, Карл Паттон. Отвечать ему я не стал.

Во время следующего перехода мы преодолели стомильный рубеж. Мы перевалили еще через один хребет, который был гораздо выше предыдущего. Холод стоял по-настоящему арктический, а ветер был подобен летающему острию. Луна зашла и начало светать. Когда мы проходили милях в десяти от грузового отсека, локатор сообщил мне об этом. Все системы жизнеобеспечения работали нормально. Источников питания хватило бы еще на сотню лет. Если бы даже, в конце концов, я загнулся по дороге, шахтеры все равно проснулись бы – пусть через сто лет, но проснулись.

Джонни Гром являл собой теперь совсем уже печальную картину. Руки его потрескались и кровоточили, впалые щеки и растрескавшиеся бескровные гу-

бы были обморожены, кожа плотно обтянула кости. Двигался он теперь очень медленно, тяжело закутавшись в свой мех. Но он все же двигался. Я шел впереди, поддерживая темп. Пес был в еще более прискорбном состоянии, чем хозяин. Он тащился позади нас, и наши привалы, обычно, уходили у него целиком на то, чтобы нагнать нас. Мало-помалу, несмотря на все мои усилия, привалы становились все длиннее и длиннее, а переходы – все короче и короче.

И когда мы достигли высокогорного перевала, который, по словам верзилы, вел в пагубные места, называемые им Башнями Нанди, снова был полдень. Я дошел до конца перевала, по обеим сторонам которого возвышались стены из шероховатого льда, и принялся разглядывать панораму ледяных вершин, острых, как битые бутылки, и возвышавшихся тесными рядами, как акульи зубы. Они то повышались, то понижались, и плотные их ряды тянулись до самого горизонта.

Я повернулся к великану, чтобы немного подстегнуть его и заставить сократить разрыв между нами, но он опередил меня. Он указывал на что-то и кричал, но что именно, я никак не мог разобрать из-за низкого грохота, который послышался вверху. Я взглянул вверх и увидел, что ледяная стена рушится прямо на меня.

Пол был холодным. Это был кафельный пол школьной раздевалки, а мне тогда было десять лет от роду, и я лежал лицом вниз, прижатый к плиткам весом мальчишки, прозванного Суп и обладавшего физическими данными гориллы и соответствующим КИ.

Когда сначала он толкнул меня к стене, сделал мне подсечку и опрокинул на пол, я заплакал и воззвал о помощи к кольцу зрителей с горящими глазами, большинство из которых сами не раз испытали на себе тяжесть огромных костлявых кулаков Супа. Никто из них даже не пошевелился, чтобы придти мне на помощь, когда он пригнул мою голову к полу и потребовал назвать его дядюшкой, я уже раскрыл было рот, чтобы сказать то, что мне было велено, но вместо этого плюнул прямо в его ненавистную рожу. После этого Суп окончательно вышел из себя. И теперь его рука обхватила мое горло, отжимая голову назад, а колени упиралось мне в копчик, и я знал, без малейшей тени сомнения знал, что Суп был мальчишкой, который не в состоянии рассчитывать собственные силы и что он напряжет свои растущие мышцы со всей силой, на которую они способны, охваченный и несомый удивительной, только что открывшейся ему силой его собственных мускулов. И он будет выгибать мне спину до тех пор, пока позвоночных не сломается, и тогда

я умру, умру, умру, буду мертвым всегда, погибнув от рук идиота.

Если только я не ухитрюсь спастись. Ведь значительно умнее, чем Суп... да и умнее всех остальных. Человек подчинил себе животных силой ума – а ведь Суп был самым настоящим животным.

Не сможет, если я воспользуюсь своей головой, вместо того, чтобы безуспешно сопротивляться нажиму тела, которое в два раза больше моего собственного.

Я отступил в сторону и со стороны взглянул на самого себя. Я увидел, как он стоит на коленях надо мной, ухватившись за свое собственное запястье, балансируя на одной отставленной ноге, я увидел, как перекатившись вправо, я смогу выскользнуть из-под прижимающего мою спину колена, а затем внезапным движением...

Его колено соскользнуло у меня со спины, как только я рванулся из-под него. Изо всех сил я рванулся вверх, сгибаясь пополам. Он, все еще не восстановив равновесия, стал клониться вправо, еще держа меня. Я снова рванулся под него, в результате чего моя голова оказалась у него под подбородком. Я протянул руки и вцепился в его жесткие рыжие волосы, а потом что было сил дернул.

Он закричал, и захвата как не бывало. Я извернул-

ся, как уж, когда он ухватился за мои руки, все еще погруженные в его шевелюру, и вцепился зубами в его толстое ухо. Он взвыл и попытался вырваться, и тут я почувствовал, как рвется хрящ, и ощутил на губах соленый вкус крови.

Он, наконец, оторвал мои руки, потеряв при этом не только часть своих волос, но и приличные куски скальпа вместе с ними. Я увидел его лицо, искаженное, как маска какого-то демона. Он отшатнулся от меня, все еще держа меня за запястья. Тогда я двинул коленом ему в пах и увидел, как лицо его стало серым, как глина. Я вскочил на ноги. Он скорчился, согнувшись почти пополам и издавая какие-то сдавленные звуки. Я прицелился и сильно пнул его ногой прямо в рот. И пока у аудитории не проснулись зачаточные понятия о справедливости и меня не оттащили от него, я успел еще дважды, тщательно прицелившись, отвесить ему полноценные пинки в лицо.

Около меня что-то шевельнулось. Я услышал, как что-то твердое трется обо что-то такое же твердое. Пробилась свет. Я глубоко вздохнул и увидел белобородое лицо древнего человека, издали смотрящего на меня – как будто я лежу на дне глубокого колодца...

– Ты все еще живешь, Карл Паттон, – голос великана словно эхом доносился откуда-то издали. Я увидел, как его огромные руки тянутся ко мне, охватыва-

ют глыбу льда, очень медленно отваливают ее в сторону. Волосы его покрыты снегом, в бороде сверкают льдинки. Из рта у него валит пар.

– Уходи отсюда, – выдавил я из себя, преодолевая боль, как от битого стекла, у себя в груди. – Пока не обрушилось остальное.

Он ничего не ответил. Он откинул еще одну льдину, и руки мои освободились. Я попытался помочь ему, но от этого меня еще только сильнее засыпало снегом. Он обхватил меня за плечи своими невероятно большими руками и начал поднимать – и вытянул меня, в конце концов, из ледяной могилы. Я лежал на спине, а он нагнулся надо мной. Вула подползла к нему, издавая тревожное поскуливание. Сверху то и дело сыпались небольшие струйки снега, которые тут же подхватывал и уносил ветер. Масса льда размером с корму авианосца нависла над нами на высоте нескольких сотен футов.

– Беги отсюда, идиот несчастный! – заорал я, но слышался лишь слабый шепот. Он медленно опустился на колени, поднял меня на руки, поднялся. Сверху сыпались кусочки льда. Он сделал шаг вперед по направлению к Башням Нанди.

– Назад, – с усилием выдавил я. – Там ты погибнешь.

Он остановился, так как перед нами начал сыпать-

ся лед.

– А если бы ты был один, Карл Паттон... ты повернул бы назад?

– Нет, – ответил я. – Но тебе... теперь... нет причин умирать...

– Тогда мы пойдем вперед.

Он сделал еще шаг и покачнулся. Кусок льда величиной с баскетбольный мяч ударил его по плечу, скатился к ногам, пес залаял. Теперь льдины падали вокруг нас, как рис во время свадебной церемонии. Он продолжал идти вперед, покачиваясь, как пьяный, и уже начал перебираться через последний подъем. Позади нас послышался грохот, словно там выстрелила пушка. Воздух со свистом вылетел мимо нас из узкой расщелины, вырываясь на свободу. Великан сделал еще три шага и не удержался на ногах. Он выронил меня, потом встал возле меня на колени, прикрыв меня наподобие какого-то странного навеса. Я слышал, как он застонал, когда несколько кусков льда попало на него. Где-то позади нас раздался грохот и шум, как будто вода прорвала плотину. Воздух наполнился снегом, ослепляющим, вызывающим кашель. Свет померк...

Мертвые плакали. Это был звук, исполненный печали, очень одинокий и как будто выражающий искреннее удивление тому, что жизнь так коротка и пол-

на ошибок. Я понял, какие чувства они испытывают. А почему бы и нет? Ведь я был одним из них.

Но у трупа не может болеть голова, по крайней мере, насколько я знаю. У них не должны мерзнуть ноги, они не должны испытывать боли. Если только легенды о том, куда после смерти попадают хорошие люди, не оказались правдивыми. Я открыл глаза, чтобы получше рассмотреть преисподнюю, и увидел пса. Он снова завыл, и тогда я повернул голову и увидел рядом с собой руку, большую, чем моя нога. Тяжесть, которая давила на меня, была тем, что осталось от Джонни Грома, распростертого на мне под покровом ледяных глыб.

Чтобы выбраться из-под него, мне потребовалось около получаса. Спас меня скафандр, конечно, с его автоматически срабатывающим защитным устройством, которое превращает материал в броню. Я, конечно, был покрыт синяками, и, возможно, у меня были сломаны одно-два ребра, но со мной не произошло ничего такого, что могло помешать мне живым и невредимым добраться до базы и своего миллиона кредитов.

Потому что я выполнил свою миссию. Великан не пошевелился за все то время, что я выбирался из-под него, и не дрогнул даже тогда, когда я приподнял ему веко. Правда, слабенький пульс я у него нащупал, но

это не могло продолжаться долго. Он истекал кровью от ран, нанесенных льдинами – ими сплошь были покрыты лицо и руки, но кровь уже замерзла, и то, чего не могла довести до конца ледяная бомбежка, за нее доделает холод. Но, даже если он и оклемается, ледяная стена не позволит ему выбраться из этой западни. И когда скорбящие родственники придут сюда, чтобы взглянуть на своего любимца – переростка, они найдут его здесь именно так, как я его опишу: благородная жертва ненастья и неудачи, которая заставила нас отклониться от цели на десяток миль, да еще после такого долгого и утомительного путешествия. И тогда они закажут по нему замечательный плач насчет того, какой он был хороший и на все готовый благородный человек, а потом закроют еще одну страницу истории. И не то, чтобы очень я возгордился от того, что еще раз доказал недюжинность своего ума. Все это не было ничем из ряда вон выходящим – просто нужно как следует анализировать имеющиеся данные, а затем правильно пользоваться результатами анализа.

– Ну, прощай, Джонни Гром, – сказал я. – Ты был отличным парнем.

Пес поднял голову и завыл. Я включил вспомогательные механизмы своего скафандра на максимальную мощность и отправил к грузу, который находился

в пятнадцать милях от меня.

Грузовой отсек длиной в двадцать футов на участке плотно слежавшегося снега в небольшой ложбинке между оголенными скалами. На нем не было ни царапины. Это ничуть не удивило меня: автоматическое устройство, которое я поместил в него, могло бы посадить целый магазин фарфора, не разбив ни единой чашечки. Я обязался доставить груз в целости и сохранности, и выполнить условия договора в точности было делом моей профессиональной гордости. Я так увлекся, поздравляя себя, что, только приблизившись к грузу на пятьдесят футов, заметил, что снег вокруг него истоптан, а потом сверху выравнен, чтобы скрыть следы. Но к тому времени уже поздно было пытаться спрятаться. Если там кто-то был, то меня уже заметили. Я остановился в десяти футах от входного люка и разыграл жалостливую сцену падения от усталости и превращения в жалкую маленькую кучку на снегу, а тем временем внимательно оглядел пространство вокруг отсека и под ним. Но ничего не обнаружил.

Пролежав достаточно долго, чтобы тот, кто находился здесь, имел возможность появиться, я не увидел никого. Желающих не нашлось. Значит, и дальше играть предстояло мне самому. Я старательно испол-

нил номер по вытягиванию ног, поднятию на них, и, пошатываясь, добрался до входа. Царапины на люке досказали мне остальное. Запирающий механизм был нетронут. По моей команде он сработал, и я заполз в шлюз. Внутри все выглядело как всегда. Изоляция холодильной камеры была по-прежнему прочна, приборы сообщили мне, что охлаждающие установки функционируют нормально. Я почти уверился в этом, но не совсем. Не знаю, почему, может быть, потому, что жизненный опыт, преподавший мне немало болезненных уроков, научил меня не принимать ничего как должное.

Мне потребовалось полчаса на то, чтобы снять кожух с рифтерного пульта. Когда я снял его, все сразу стало ясно: соленоид висел полуоткрытым. Это была сравнительно небольшая неисправность, которую вполне можно было бы отнести на счет сложного приземления – но только если бы я не знал того, что знал прекрасно. Это было сделано искусственно, подставка слегка изогнута на какую-то долю миллиметра – как раз настолько, чтобы аппаратура перестала функционировать как следует и чтобы включился цикл нагрева, который, примерно, через десять часов неминуемо убьет десятерых, что находятся в холодильниках. Я поправил его, услышал, как газ снова зашипел в трубках, и на этот раз более тщательно проверил по-

казания приборов. Внутренний термометр показывал +3 градуса по абсолютной шкале. Температура еще просто не успела начать подниматься. Десять длинных контейнеров и их содержимое пока были в целости. Это означало, что вмешательство произошло совсем недавно.

Я все еще размышлял над возможными последствиями такого вывода, когда услышал шаги на льду, приближающиеся к входному люку.

Иллини теперь выглядел совсем иначе, чем в последнюю нашу встречу, в затынутом плюшем кабинете в Централли Лиги. Его обезьянье лицо, прикрытое маской, выглядело съежившимся и бескровным, длинный нос посинел от холода, а на скулах виднелась синева от пробивающейся щетины. Казалось, он ничуть не удивился, увидев меня.

Он вошел внутрь, а за ним появился другой человек. Они огляделись, приняли к сведению отметины на покрытом инеем кожухе рифтера, обратили внимание на откинутую панель.

– Все в порядке? – спросил меня коротышка.

Он задал этот вопрос как бы невзначай, словно мы с ним случайно встретились на улице.

– Почти, – ответил я. – Если не считать небольшого происшествия с соленоидом. Впрочем, ничего се-

рьежного.

Иллини кивнул, словно именно такого ответа и ожидал. Его глаза быстро обежали меня.

– Снаружи ты, кажется, испытывал кое-какие затруднения, – заметил он.

– Но я вижу, ты довольно быстро оправился.

– Наверное, это было что-то психосоматическое, – ответил я. – Забравшись сюда, я просто отвлекся.

– Полагаю, что наш объект мертв?

– Конечно, нет, черт возьми! Он жив и здоров и пребывает сейчас в городе Феникс, штат Аризона. Как вы обнаружили отсек, Иллини?

– Мне очень повезло: я уговорил одного торговца подпольным товаром, который снабдил тебя пеленгаторным оборудованием, продать мне его точную копию, да еще настроенную на тот же самый код, – видно было, что это доставляет ему удовольствие. – Но ты не очень-то расстраивайся, Улрик. При неограниченном бюджете почти не может быть секретов.

– Ясно, – сказал я. – Все сделано правильно. Но вы так и не сказали мне, зачем вы сделали это.

– План, разработанный тобой, довольно умен, – сказал он. – Может быть, немного переусложнен... но, тем не менее, умен. До какой-то степени. Благодаря специальному оборудованию, которое ты вмонтировал в отсек, стало ясно, что ты вознамерился сохра-

нить свой груз нетронутым.

– Ну и что?

– Ты хотел предоставить публике возможность восхищаться чистеньким символом, Улрик. Отлично, прекрасно. Но гибель этого переростка в слепой попытке спасти людей, которым никогда ничего не угрожало, слегка испортит картину. Люди могут разочароваться. Они могут начать расследование обстоятельств, при которых их любимчик так бездарно ухитрился погубить себя. Но зато если окажется, что НА САМОМ ДЕЛЕ он мог спасти людей – вот тогда публика примет его жертву.

– И ради подобной теории вы собираетесь лишить жизни десятерых?

– Нет ничего необычного в том, чтобы такой ценой оплачивались дополнительные гарантии.

– И, значит, вы явились сюда, чтобы исправить мои ошибки. А как же вы предполагаете уладить дело с Мониторной службой? Они всегда косо смотрят на самовольные посадки туда, куда не следует.

Выражение лица Иллини стало таким, каким оно бывает у кошки, только что съевшей канарейку.

– Я нахожусь здесь на совершенно законных основаниях. Благодаря счастливому стечению обстоятельств, моя яхта находилась неподалеку от этой планеты и перехватила сигнал твоего передатчика. Стан-

ция Кольцо-8 приняла мое предложение оказать помощь.

– Понятно. А что вы припасли для меня?

– О, конечно, только то, о чем мы договорились. У меня нет никакого желания усложнять дело еще и в этом отношении. Мы будем и дальше в точности следовать твоим предложениям – за одним исключением, о котором я уже говорил. По ясным нам обоим причинам я надеюсь, что могу положиться на твое благоразумие. Твоя плата уже переведена на депозит в Центральный Кредитный Банк.

– Значит, вы уже все продумали, да? Но вы не приняли в расчет одного: я очень честолюбив. И я терпеть не могу, когда кто-то вносит изменения в мои планы.

Иллини приподнял верхнюю губу.

– Мне известно, что ты, обычно, стараешься испугать угрызения совести профессионального убийцы крайней чистоплотностью во всех других отношениях. Но боюсь, что в этом случае решающее слово останется за мной.

Рука второго человека ненавязчиво потянулась к оружию на бедре. До сих пор он не проронил ни одного слова. Да ему это было и ни к чему. Он до конца будет играть роль молчаливого помощника. Иллини наверняка взял с собой самого лучшего. Или почти лучшего. Возможно, вскоре мне придется проверить это.

– Дела здесь отнимут у нас всего несколько часов, – заявил Иллини. – А после этого... – он сделал рукой широкий жест, – мы сможем заняться совсем другими делами, – он улыбнулся, словно это решало все проблемы сразу. – Кстати, где же тело? Я бы хотел взглянуть на него. Просто так принято.

Я сложил руки на груди и прислонился к переборке. Я сделал это очень осторожно, на всякий случай, а то вдруг я что-нибудь неправильно рассчитал.

– А что, если я не намерен сообщать вам, где оно?

– В таком случае я вынужден настаивать, – в глазах Иллини появилась тревога.

Оруженосец насторожился.

– Ой-ой, – сказал я. – Какая деликатная ситуация. Обугленный труп вовсе не улучшит общей картины.

– Подиаку дано указание только обезвредить, а не убивать.

– Для слуги общества, исполняющего свой долг, вы, Иллини, по-моему, слишком близко принимаете это дело к сердцу. Даже не верится, что вами движет только стремление устранить незначительную помеху, задерживающую приход прогресса на Вэнгард. А ведь Комиссионер объяснял все именно так. Нет ли у вас, случайно, какой-нибудь личной заинтересованности?

Иллини пожал плечами.

– Не стану скрывать – я действительно являюсь

участником концессии по эксплуатации планетных ресурсов. Но ведь кто-то же должен иметь с нее прибыль. Так почему бы ее не иметь человеку, который организовал все это?

– Опять я сваял дурака, – сказал я. – Мне следовало потребовать процент с дохода.

– Ну, ладно, довольно болтовни, – вдруг резко сказал Иллини. – Не нужно водить меня за нос, Улрик. Или высказывайтесь прямо, или не обессудьте за последствия.

Я покачал головой.

– Плевал я на ваш блеф, Иллини. Все это дело висит на волоске. Малейший признак, не укладывающийся в рамки происшествия, например, жирное пятнышко на полу – и все лопнет, как мыльный пузырь.

Подиак сделал быстрое движение, и оружие оказалось в его руке. Я усмехнулся.

– Видимо, это должно настолько испугать меня, что я позволю вывести себя наружу и там предоставить вам возможность обработать меня как следует, да?

– Предупреждаю тебя, Улрик...

– Бросьте. Никуда я не пойду. Зато вам придется уйти, Иллини. Ваша яхта наверняка спрятана где-то неподалеку отсюда. Так вот – садитесь в нее и убирайтесь. А я отсюда прослежу за вами.

– Да вы просто идиот! Вы подвергаете риску всю

операцию из-за каких-то слюнявых сантиментов!

– Это моя операция, Иллини. И либо я доведу дело до конца так, как было задумано сначала, либо вообще ничего делать не буду. Вот такой уж я... Но, если помните, меня именно поэтому и наняли?

Он набрал полную грудь воздуха, как человек, собирающийся глубоко нырнуть, и с шумом выпустил его.

– У вас нет ни единого шанса, Улрик! Вы лишаете себя всего – ради чего?

– Вовсе не всего. Вы все равно заплатите мне за проделанную работу. Это-то уж вы сделаете. Вы вернетесь и доложите, что обнаружили отсек в полном порядке. Только попробуйте заявить что-нибудь другое. Ваша затея тут же провалится.

– Нас здесь двое. Мы можем взять вас голыми руками.

– Только после того, как у меня в руке не станет пистолета.

Коротышка, казалось готов был съесть меня взглядом. Он явно хотел бы сказать мне кое-что еще, но вместо этого соорудил гримасу человека, жующего стекло, и кивнул своему помощнику. Они боком добрались до люка и прыгнули на землю. Я смотрел, как они удаляются.

– Ну, ты у меня еще схлопочешь за это! – крикнул мне Иллини. – Обещаю тебе.

– Ничего вы мне не сделаете, – ответил я. – Вы будете сидеть, считать свои миллионы и держать язык за зубами. Комиссионеру это наверняка понравится.

Они обернулись, я насторожился и опустил руки. Тут Подиак метнулся в сторону и выстрелил. Разряд отшвырнул меня к противоположной стороне кабины.

Окружающее наполнилось светом и грохотом, а грохот слепил. Я с трудом уцепился за тонкую ниточку сознания, сплел из нее канат и выбрался по нему. Я сделал это потому, что должен был сделать это. И как раз вовремя. Подиак уже лез обратно в кабину. Снаружи слышался голос Иллини, приказывающий что-то. Я прицелился в Подиака, нажал на спуск, и его жизнь как будто ветром сдуло.

Я весь онемел, как палец, по-которому стукнули молотком. Я чувствовал, что под скафандром по мне течет теплая жидкость, и, кажется, ощущал сломанные кости. Я попытался пошевелиться и снова почти потерял сознание. И тогда я понял: на сей раз мне уже не выкарабкаться. Я получил свое. Иллини победил.

Его голос вывел меня из полузабытья.

– Он стрелял вопреки моему приказанию, Улрик. Ты же сам слышал, как я сказал ему! Я не виноват!

Я несколько раз моргнул и тогда смог рассмотреть коротышку через распахнутый люк. Он, съезжившись,

стоял на том же самом месте, на котором я последний раз видел его, и с ужасом ждал вспышки из темного отверстия люка, которая прикончит его. Все козыри были у него на руках, но он, бедняга, не знал об этом. Он понятия не имел о том, как тяжело я был ранен

– настолько тяжело, что он мог бы попросту войти в отсек и завершить задуманное, не встретив никакого сопротивления... А он-то думал, что сильный умный Вэйрд Улрик остался цел и невредим и сейчас держит его на мушке, хладнокровный и смертоносный, как всегда, и, как всегда, полностью владеющий ситуацией.

О'кей. Постараюсь и дальше держать его в неведении. Пусть со мной покончено – но и с ним тоже, если бы только мне удалось заставить его улететь. Когда ребята с Мониторной Станции придут сюда, обнаружат мой труп и записку, которую я постараюсь написать до того, как окончательно стемнеет, с Иллини и К будет покончено. Им никогда больше не доведется участвовать в бизнесе с похищением планет, и остаток дней своих они проведут на каторге. Причем, все это произойдет так быстро, что никто и глазом моргнуть не успеет. Я поискал собственный голос, немного подул на него и крикнул:

– Ладно, Иллини, этот выстрел не в счет. Забирай своего парня и убирайся с планеты. Я буду следить за

тобой. И локаторы Мониторной Станции тоже. Если ты вновь попытаешься приземлиться, тебе придется им кое-что объяснить.

– Я все сделаю, как ты сказал, Улрик. Ты в своем праве. Мне... мне придется привязать что-нибудь к Подиаку, чтобы дотащить его до яхты.

На это я ничего не ответил. Не мог. Это обеспокоило Иллини.

– Улрик! Я доложу, что обнаружил все в полном порядке. Только, пожалуйста, не делай глупостей. Помни о миллионе кредитов, ожидающем тебя.

– Топай, топай, – выдавил я.

Я смотрел, как он отошел на несколько шагов, повернулся и стал карабкаться по склону. Огни у меня перед глазами то вспыхивали, то гасли.

Вдруг Иллини снова оказался здесь, таща в какой-то упряжи бесчувственное тело своего протеже, безмолвно волочившееся по снегу. Когда я снова поднял глаза, их уже не было видно. И только тогда я отпустил то, на чем висел, и провалился навсегда в бездонную пропасть.

Когда я вновь пришел в себя, возле меня сидел Джонни Гром.

Он дал мне воды. Я выпил ее и сказал:

– Ты, здоровенный идиот! Что ты здесь делаешь? – мне показалось, что я произнес эти слова вслух, но

изо рта у меня вырвалось только легкое шипение, как из проколотого мяча. Я лежал, прислоненный головой к стене – так, как он положил меня – и смотрел в его широкое изможденное лицо, на потрескавшиеся и кровоточащие губы, спутанные волосы, перемешавшиеся со снегом. Взгляд его ярких голубых глаз встретился с моим.

– Я пришел в себя и увидел, что тебя нет, Карл Паттон, – голос его совершенно потерял звучность. Он говорил, как древний старик. – Вула привела меня сюда.

Я попытался обдумать ситуацию... и вдруг понял, что вытекает из всего этого. Я чуть не заулыбался. Конечно, записка, написанная кровью, может пробить дыру в планах Иллини, но ведь живой великан утопит их окончательно.

Я сделал еще одну попытку и ухитрился на сей раз издать довольно разборчивый шепот:

– Слушай меня, Джонни. Слушай внимательно, потому что второй раз объяснять все это у меня не хватит сил. Вся эта история – подделка, уловка, которая должна была погубить тебя. Потому что, пока ты жив, они не могут заграбастать твой мир. Понимаешь меня?

Люди, который находятся здесь, в полной безопасности. По крайней мере, так должно было быть. Но в первоначальный план внесли изменение. Конечно,

только после того, как позаботились бы о тебе. А раз ты жив... – я почувствовал, что мои объяснения становятся слишком сложными.

В общем, все это чепуха, – продолжал я. – Ты перехитрил их. Перехитрил всех нас. Ведь, несмотря ни на что, ты остался жив. Теперь твоя задача – и дальше оставаться в живых. Поэтому ты должен затаиться. Здесь есть отопление и аварийные запасы пищи – всего этого тебе вполне хватит до прибытия спасательного отряда. И тогда твое дело в шляпе. Ты заметил, что поврежден соленоид, понимаешь? Ты ведь знаешь, как выглядит соленоид, да? И ты поправил его, Ты спас людей. Ты будешь героем. После этого они не осмелятся и пальцем тронуть тебя.

– Ты тяжело ранен, Карл Паттон.

– Меня зовут вовсе не Карл Паттон, черт тебя подери! Меня зовут Улрик! Я наемный убийца, понимаешь? И явился я сюда, чтобы прикончить тебя...

– Ты потерял очень много крови, Улрик. Здесь есть какие-нибудь медикаменты?

Я быстро развеял все его надежды на мое спасение:

– По крайней мере, ничего такого, что могло бы спасти меня, здесь нет. Мне прямо в бедро угодили из электрического разрядника. Моя левая нога теперь – просто месиво из кусочков кости и окорока. Скафандр

немного помог мне, но не очень. Можешь забыть об этом. Важно то, что они не знают о том, что ты жив! Если они попытаются сесть сюда еще раз, на всякий случай, и обнаружат тебя до того, как прибудет спасательный отряд – они выиграли. А они ни в коем случае не должны выиграть, понимаешь? Я им не позволю!

– В моем доме есть медицинская машина. Ее туда привезли доктора. После Болезни. Она сможет вылечить тебя.

– Конечно! А в Медицинском Центре я бы начал танцевать Самали уже через тридцать шесть часов. А если бы я не совался в это дело, я вообще бы не попал в такую переделку. Забудь об этом и постарайся сосредоточиться на том, чтобы остаться в живых...

После этого, я, должно быть, отключился, потому что следующим моим ощущением было то, что мне в бок кто-то втыкает тупые ножи. Я приподнял веки и увидел, что мой скафандр расстегнут, и еще много-много крови. Большой Джонни что-то делал с моей ногой. Я велел ему оставить меня в покое, но он продолжал пилить меня раскаленной добела пилой и лить мне на раны кипящую кислоту.

А потом, через некоторое время, я как будто поднялся откуда-то из глубин и снова увидел свою ногу, забинтованную до бедра лентой из аптечки первой помощи.

– В тебе еще много сил, Улрик, – сказал Джонни. – Ты боролся со мной, как морозный демон.

Я хотел сказать ему, чтобы он бросил это бесполезное дело и дал мне возможность спокойно умереть, но не смог издать ни звука. Великан поднялся на ноги, завернутый в зелено-пурпурный мех. Он нагнулся, поднял меня и направился к люку. Я снова попытался закричать, объяснить ему, что спасать ему нужно только самого себя, ради того, чтобы взять реванш. Что он уже сыграл роль сенбернара, спасающего терпящих бедствие в горах, и что еще одна бессмысленная прогулка в снегах будет означать победу Домбека и Иллини, что все мои труды пошли насмарку. Но это было бесполезно. Я почувствовал, как он покачнулся, оказавшись во власти ветра, услышал, как щелкнул включившийся термостат в моем скафандре. И затем меня с головой накрыло огромное одеяло.

Об обратном пути у меня почти не осталось воспоминаний. Прибор, контролировавший процессы метаболизма, постоянно держал меня под наркозом

– это и естественные механизмы защиты боролись с ощущениями, сопровождающими путешествие на плече ледяную пустыню, да еще когда осколки костей стараются выйти наружу через размозженные ткани бедра. Один раз я заглянул в огромное обморожен-

ное лицо и встретил взгляд замутненных страданием глаз.

– Оставь меня здесь, – произнес я. – Я не нуждаюсь в помощи. Ни от тебя, ни от кого другого. Я выигрываю или проигрываю только самостоятельно.

Он покачал головой.

– Но почему? – спросил я. – Зачем тебе это?

– Человек, – сказал он. – Человек... всегда должен... доводить свои дела до конца.

И он продолжал идти вперед. Он был трупом, но никак не хотел лечь и умереть.

Я инстинктивно ел и пил из трубок, подведенных ко рту. Если бы я находился в сознании, то, наверное, постарался бы уморить себя голодом, чтобы не продлевать агонию. Иногда я приходил в себя, но не больше, чем на полчаса. И тогда я понимал, каково приходится куску мяса на крюке мясника.

Остальное время я спал и мне снималось, что я уже сдал вступительные экзамены в Ад. Несколько раз я чувствовал, что падаю и лежу на снегу, потом огромные руки, причиняя мне боль, поднимали меня с ворчанием, и я вновь ощущал себя возле огромного измученного тела, продолжающего брести куда-то.

А потом было еще одно падение, но только какое-то более окончательное, что ли, чем все остальные. Долгое время я лежал на месте, дожидаясь смерти. И

только немного спустя мне пришло в голову, что скафандр не позволит мне так легко умереть. Питание и лекарства, которые позволили бы здоровому человеку благополучно продержаться с год, заставят помучиться умирающего ненамного меньше. Так что я остаюсь по эту сторону подземной реки, нравится мне это или нет.

Я открыл глаза, чтобы сказать об этом великану, и увидел его дом, возвышающийся под сенью огромных деревьев в сотне ярдов от меня. Чтобы добраться до него, мне понадобилось никак не больше дня. Я проползал по сотне миль зараз, преодолевая бескрайние пространства, усыпанные битыми бутылками. Дверь некоторое время сопротивлялась, но, в конце концов, я навалился на нее всем телом, тогда она отворилась и я ввалился внутрь, на дощатый пол. После этого мне потребовалось еще вечность, чтобы добраться до огромного медицинского кабинета, открыть его и вползти туда.

Я успел услышать, как включился диагностический прибор, и ощутить, как сенсоры задвигались по моему телу. Потом я долго, очень долго не чувствовал ничего.

На сей раз я очнулся с ясной головой, не испытывая боли, с шиной на ноге, которая позволяла мне хо-

дить. Я огляделся в поисках хозяина, но оказалось, что в доме я один. В очаге не было огня, но, несмотря на это, в доме было тепло. Видимо, когда-то какие-то доброхоты установили здесь автоматическое отопление на тот случай, если очаг потухнет и великану станет холодно. На полках я нашел кое-какую снедь и впервые за много дней опробовал свои челюсти. Жевать было еще больно, но вполне терпимо.

Я включил коммуникатор и уже собирался было поведать Вселенной свою историю. Но потом вспомнил, что нужно выяснить еще кое-какие подробности. Я подошел к двери, смутно надеясь увидеть Джонни, разминающегося колкой дров.

Но все, что я увидел, это приглаженный ветром снег, раскачивающиеся под ветром деревья и серое небо, низко нависшее над землей, подобно мокрому холсту. А потом я увидел кое-что еще: продолговатый сугроб на полпути между домом и опушкой леса.

Хруст снега у меня под ногами почти оглушал в окружающей тишине. Я шел продолговатому сугробу. Да, он был там. Он лежал на спине, глаза его были открыты и смотрели в небо сквозь припорошивший их снег. Руки его были согнуты в локтях, а ладони открыты, так, как будто он держал на руках ребенка.

Снег, как одеяло покрыл его, будто для того, чтобы согреть во сне. Собака лежала подле него, замерзнув

на своем последнем посту.

Я долго, очень долго смотрел на великана, и слова так и кипели во мне. Я очень многое хотел бы сказать ему, но для этого требовался голос, который перенес бы их через пропасть куда более широкую, чем пространство, туда, куда он ушел.

Поэтому все, что я сказал, было только:

– Ты победил, Джонни. Мы считали себя умниками, но именно ты оказался человеком, который довел свое дело до конца.

Я нажал кнопку «Передача», готовый дать залп, который потопит Домбека и его команду, как консервную банку, но потом тихий мудрый голосок благоразумия начал нашептывать мне в ухо. Прищучить их для меня будет равносильно самоубийству, причем и после смерти на моем замерзшем лице будет торжествующая улыбка, а нос будет воинственно выглядывать из могилы. Может быть, еще был смысл поднимать их на воздух для Джонни Грома его замерзший рай, особенно если учесть, что они собирались провести меня.

Но я-то был жив, а Джонни был мертв. А тот миллион по-прежнему дождался меня. Там, в грузовом отсеке, не осталось ничего такого, чего нельзя было бы объяснить огромным нехорошим скорпионом, который слегка пожевал мою ногу.

Джонни будет героем и ему поставят памятник – замечательный памятник, где-нибудь в таком месте, куда не дотянутся ковши землеройных машин. Я сам прослежу за этим.

И, в конце концов, я поступил умно и очень-очень хитро. Я сообщил им то, что они хотели бы услышать от меня: что люди живы и что великан погиб героически, как и подобает великану. После этого я стал ждать прибытия спасательной шлюпки.

Я получил свои деньги. С тех пор я наполовину ушел в отставку. Таким образом я хочу выразить то, что я для себя решил больше никогда не браться ни за какие поручения. До самого последнего времени я проводил жизнь, путешествуя, любясь видами, отдыхая на роскошных курортах, тратя часть дохода, причитающегося мне с той кучи денег, которые мне достались.

Я ел и пил, путался с девками и испробовал, кажется, все на свете – начиная с воздушных лыж и кончая пешими прогулками по дну морскому, но у меня такое ощущение, что то, что я тщетно пытаюсь найти, я никогда не найду, как и все остальные бездельники и любители острых ощущений.

Вселенная ведь бесконечна и равнодушна, а маленький человек все же не оставляет попыток на по-

двиг, который позволит ему сравниться со звездами.

Но в мире, где когда-то жил-был великан, все мы навсегда останемся пигмеями.